

Луи Клод де Сен-Мартен

Человек Желания

Луи Клод де Сен-Мартен Человек Желания

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36066887
Человек Желания / Л. К. де Сен-Мартен; пер. В. Ткаченко-
Гильдебрандт: Алетейя; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-906980-13-7*

Аннотация

Среди духовных писателей своего времени выдающийся французский мистик Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803), или «Неизвестный Философ», стоит особняком. Причина тому – его оригинальный и очень сложный для передачи на других языках способ изложения тринитарных христианских истин, обрамляемых символами рыцарского франк-масонства, идущего от Жана-Батиста Виллермоза (1730–1824), и каббалистическими эмблемами.

Публикуемое впервые на русском языке философско-мистическое произведение Луи Клода де Сен-Мартена «Человек Желания» представляет собой первую часть его мировоззренческой трилогии, куда входят произведения «Новый Человек» и «Руководство Духо-Человека». Для передачи по-русски «Человека Желания» переводчик Владимир Ткаченко-Гильдебрандт применил жанр ритмической прозы, поскольку это сочинение читалось самим автором под аккомпанемент

фортепьяно, о чем сообщали в ту пору и русские почитатели «Неизвестного Философа». Перевод осуществлен по посмертному лондонскому изданию «Человека Желания» Луи Клода де Сен-Мартена от 1808 года.

Содержание

«Человек желания»: Преодоление доктрины учителя и начало мартинистской антропологии	8
Луи-Клод де Сен-Мартен. «Человек желания»	31
1	32
2	34
3	36
4	38
5	40
6	42
7	45
8	49
9	52
10	54
11	56
12	59
13	62
14	64
15	66
16	68
17	70
18	72
19	74
20	76

21	78
23	82
24	84
25	86
26	88
27	90
28	92
29	94
30	96
31	98
32	100
33	102
34	104
35	106
36	109
37	111
38	114
39	117
40	119
41	121
42	123
43	125
44	128
45	130
46	132
Конец ознакомительного фрагмента.	136

S. Martin

Луи Клод де Сен-Мартен

Человек Желания

«И если молнии, сверкая мимолетно, порой пронизывают нашу темень, нас ужасая крайней силой иль больше унижая нас, то заставляют нас увидеть, что мы утратили когда-то».

Из трактата Луи Клода де Сен-Мартена «Естественная картина отношений, которые существуют между Богом, человеком и Вселенной»

«Человек желания»: Преодоление доктрины учителя и начало мартинистской антропологии

*«...И будет яко древо, насажденное при
исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и
вся, елика аще творит, успеет...»*

Псалтирь. Псалом 1

Человек вышел на берег из бурливого потока и взглянул со стороны на неугомонную реку подлунной жизни. Переводя дыхание, ему пришло на ум пастернаковское: «Сестра моя жизнь!». И вострепнувшись, он понял: эта несущаяся стремнина хоть и рядом со мною, но уже не я, разве что она дей-

ствительно сестра, которую ты годами не видел и с которой тебя уже почти ничего не связывает, кроме общего набора хромосом, общей ткани бытия и все больше рассеивающихся воспоминаний далекого детства. Однако с тех пор и до сего дня я был влеком Потоком (вот она Река Времен Василия Тредиаковского!): теперь я вне его и никогда уже не буду в нем, пусть его леденящие брызги меня постоянно настигают и даже тщетно пьянят, но не в силах уже ничего изменить во мне. Так из Человека, Увлекаемого Потоком, рождается Человек Желания...

Если первые два произведения Луи-Клода де Сен-Мартена (1) отразили его глубокую теоцентрическую концепцию происхождения человека и мировой истории, разворачивающейся в борьбе на человеческом уровне божественного и демонического начал, то третье – «Человек Желания» – знаменует собой следующий этап в творчестве великого христианского мистика. Он целиком связан с переосмыслением учения о реинтеграции существ французского теурга Мартинеса де Паскуалиса, старшего товарища и наставника Луи-Клода де Сен-Мартена по Ордену рыцарей-масонов избранных кознов Вселенной. Само понятие «Человек Желания» взято Незнаменным Философом у Мартинеса де Паскуалиса, а последний его позаимствовал у блаженного Августина. Впрочем, стоит отметить, что корректнее переводить как «Человек Осознанного Желания» или «Человек Изволения», поскольку русское слово желание само по себе тяготеет больше

к хотению, т. е. неосознанному, замутненному страстью желанию. Именно мистическое изволение или волеизъявление по Сен-Мартену противостоит грубому хотению и напрямую связано с самоотречением и аскезой.

Эту смысловую грань прекрасно уловил современный российский исследователь в статье, посвященной пути мистического анархизма, в которой, касаясь проблематики человеческого осознанного желания, автор резюмирует: «Но он (человек – В. Т.-Г.) может обладать всеми качествами бога, завоевать их себе через преодоление диктата одержимых, бог сам творит себя, не имея причин, он – «творящее ничто», и его мир – непрерывное откровение. Человек убивает протестантского бога – счетовода грехов, бога-надзирателя. На его место идет Единственный, свободный от вчерашнего «эго», отказавшийся от инстинктов во имя желаний. Желания Единственного Штирнер рассматривает как *самоубийства его инстинктов*. Такое же отношение к «желанию» бытовало в мистических кругах «мартинистов», последователей Сен-Мартена, который, в свою очередь, был учеником Мартинеса де Паскуалиса. Желание – синонимично свободе воли, инстинкт воплощает в себе рабство материального рока. Посвящение – освобождение от ограничивающих законов имманентных форм. Поэтому высшим титулом посвященного в мартинизме является «человек желания»...» (2). От себя добавим, что рационализм здесь уже подорван и существует только две мистических точки сопря-

жения, изображаемых в виде черного мага и христианского анахорета: между этими точками властвует хаос. Одна из них – служение себе Единственному; другая – служение Единому. Неслучайно эксцентричный сатанист Алистер Кроули считал, что *самоубийства инстинктов* это крайняя пресыщенность ими, тогда как христианский аскетизм учит об отсечении страстей душевных и физических в трезвении, посте и молитве. В первом случае – яркое воплощение служения себе Единственному; во втором – служения Единому, к чему и посвятил свою жизнь Неизвестный Философ: «И создали две любви, два Града: Град земной – любовь к себе до презрения к Богу, и Град же небесный – любовь к Богу до презрения к себе» (3).

Как ни парадоксально, но новое сочинение Сен-Мартена это полный разрыв с доктриной Мартинеса де Паскуалиса, основанной на практике теургических ритуалов, где самоозарение – рациональный логический этап, в пользу созерцательного поэтического мистицизма, столь свойственного святым отцам восточного христианства. Теперь с учителем Неизвестного Философа связывают только нечастые каббалистические символы и аллюзии, почерпнутые у Мартинеса де Паскуалиса, но уже в «Человеке Желания» не представляющие самодовлеющего значения, а скорее аллегорически отражающие корни вещей и проявлений. Не ставя под сомнение светский, хотя и сугубо христианский характер мистики Сен-Мартена, все же отметим, что она практически

лишена экстатичности и избыточной эмоциональной душевности, присущих западному церковному сознанию. Это при том, что Луи-Клод де Сен-Мартен до конца своих дней оставался ортодоксальным католиком, о чем красноречиво свидетельствовал граф Жозеф де Местр.

«Человек Желания» – произведение переломное для самого Сен-Мартена. В нем автор предпочел самозабвенное погружение в дионисийские бездны сердца сухим спекуляциям аполлонического разума, господствовавшим в ту пору в среде мистически настроенного дворянства. Вот почему так сложно определить его жанр. Что это? Религиозные песнопения, плач сердца или, может, непрерывный поток сознания ревностного христианина?.. Все перечисленное присутствует в «Человеке Желания» и тем самым собой являет как бы определенный хаос, изначально пребывающий в душе верующего, вставшего на путь его преодоления и божественной реинтеграции.

Работу над «Человеком Желания» Луи-Клод де Сен-Мартен начал еще во время своего посещения Лондона. К ней он приступил по настоятельным просьбам философа Тиманна. В 1790 г. в Лионе увидело свет первое издание «Человека Желания», представлявшее собой два небольших тома. До сих пор неизвестно, отлучался ли в Лион автор во время своего пребывания в Эльзасе, или он доверил публикацию сочинения своим тамошним друзьям, тем более что в Лионе Сен-Мартен любил издаваться.

Французский исследователь середины XIX в. Маттер справедливо заключает, что «Человека Желания» нельзя рассматривать как сборник религиозных гимнов, хотя иногда и поражает внутренняя аналогия произведения с библейской Псалтирью. Согласимся с английским эзотериком Артуром Эдвардом Вэйтом, что «Человек Желания» самое вдохновенное сочинение Сен-Мартена. Однако прав и Маттер, считавший его отнюдь не поэзией. Со своей стороны, осмелимся определить жанр «Человека Желания» гимнософией, назвав Сен-Мартена галльским гимнософистом. К тому же, общий поэтический фон произведения скорее богословско-эпический, нежели лирический. После выхода книги Сен-Мартен, судя по манере изложения, даже удостоился сравнения с немецким экстатичным мистиком Якобом Бёме. Действительно, некоторые пассажи и аллюзии «Человека Желания» напоминают тевтонского философа, хотя Сен-Мартен в ту пору еще совершенно не был знаком с его произведениями и сам о нем мало слышал.

По тексту видно, что Неизвестный Философ иногда слишком использовал поэтическую форму, иногда ее нарочито ломал, оставляя отдельные элементы, отчего невозможен и равномерный перевод «Человека Желания» на русский язык. Но за этой стихийностью стиля и формы лучше чувствуется смятение человеческой души, в сей мир пришедшей издалёка. Собственно, произведение представит мгновенными вспышками прорвавшегося из инобытия

света, блестящими воспоминаний человеческой души о своем первоначальном состоянии в лучах Божественной Славы. Вот почему в «Человеке Желания» не стоит искать никакой логики, ведь логика и откровение – вещи несовместные. Вот почему «Человек Желания» это и своеобразное поэтизированное преодоление стройного «Трактата о реинтеграции существ» Мартинеса де Паскуалиса, пылкий призыв отойти от сухих теургических формул и ритуалов, обратившись к сердечному деланию как средоточию бытия.

В «Человеке Желания» уже весьма сильно ощущается дефицит дискурсивности, столь присущей франко-галльскому аполлоническому мышлению, из-за чего Сен-Мартен занимает особое место среди французских эзотерических писателей, поскольку характер его мистики совершенно восточный, дионисийский вплоть до ломки и растворения всяческих форм, вплоть до уничтожения формообразующих начал. Потому в свое время, основываясь на недопонимании, и возникло среди французских критиков подозрение Сен-Мартена в пантеизме, хотя никаким пантеистом Неизвестный Философ, конечно же, не являлся. Немудрено, почему современники, как, к примеру, Лафатер и барон фон Либисдорф, отмечая превосходства «Человека Желания», не могли определить его доктринальной направленности и в целом не разумели произведения. На этом фоне исключительной кажется оценка Кирхбергера, рассматривающая его как наиболее совершенное по ясности мыслей. Однако квинтэс-

сенция «Человека Желания» столь же проста, сколь во многом и непостижима западному формальному умозрению: загляни очами разума в свое сердце; оно – средоточие связи с Богом и точка единения со всем сущим, проросшее в человеческое тело и душу Всеединство. И как закономерность. в «Человеке Желания» Луи-Клод де Сен-Мартен отрекается от традиционной схоластики (напомним, элементы ее органично входили в учение Мартинеса де Паскуалиса). Отсюда, несмотря на то, что до последнего издыхания он пребывал в лоне римской церкви, Неизвестный Философ до сих пор не примирен с католицизмом.

Наряду с этим, значение «Человека Желания» заключается еще в том, что произведение стало основой мартинистской духовной антропологии, которую можно свести к нижеследующим характерным чертам.

Бог пребывает во всяком Творении, ему сообщая жизнь, движение и бытие. Любой приходящий в мир человек наделен Словом Божиим, которое является его Внутренним Светом. Со своей стороны, Человек есть совершенный храм Господень. Существуют три различные степени божественного Присутствия; они же предстают тремя ступенями проявления Божества. При исхождении Адама Бог сообщает первому человеку свободную волю, т. е. способность принимать божественные законы, предписания и повеления, или отказываться от них. Господь желает действовать лишь с согласия Человека, при его полной и сознательной поддержке.

Прикровенным Он остается для того, чтобы в каждом из нас пробудилось бы Желание Его. Это первый этап, ознаменованный Соломоновым Храмом, в котором божественное Присутствие пребывало в Святом Святых, сокрытом от народа завесой. В тот период был возведен Храм в соответствии с Желанием Человека. Тогда для всех Предвечный оставался неосязаемой, недоступной причиной, неизвестным управителем, вселенским двигателем их эфемерного существования. Материалисты и люди, увлекаемые потоком бытия, ищут в Творении Первопричину, которая принадлежит не миру естества, но божественному миру. В данный период Человек Потока (увлекаемый потоком бытия) является рабом собственного «эго».

Человек Желания, наоборот, чувствует недостаток и неполноту такого положения вещей и устремляет свои взоры к Неведомому, существующему за пределами видимого мира. Благодаря чему он просит, призывает и привлекает Бога проявиться в нем, постепенно он приближается к Его присутствию или, как лучше выразиться, заставляет это святое Присутствие приблизиться к нему. Это этап Исхода из Египта, совлекающий рабские путы и делающий Человека Желания другом Господа. Сорок лет блуждания по пустыне явно свидетельствуют, что святое Сретение еще случайно и неопределенно, поскольку Человек еще увлечен истуканами. Идолопоклонство заключается в создании по собственному образу и подобию бога, который затем оживляется и поддер-

живается в искусственном существовании воспрещенными мыслями (читай обрядами).

Несмотря на бесконечно повторяемые заблуждения, Желание Истины постепенно овладевает человеком всякий раз, когда он произносит «да будет Воля Твоя» и предается Своему божественному Другу. Брань Человека Желания заключается в том, как сильнее предаться Милосердию истинного Бога, предписавшего смертному: «Предвечный будет бороться за тебя, и ты сохраняй Безмолвие». Труд Человека Желания является действием человека по отношению к своим братьям и сестрам, всем царствам естества, за которые он ответствен, но это также бездействие пред лицом Своего Бога, сотворившего Человека и захотевшего быть единственным орудием его духовного развития. Вот для этого Он и воплотился Сам в Лице Своего Слова, дабы нас возродить.

Добровольная Жертва ИЕШУА на Кресте и установление таинства Евхаристии дает каждому по милосердию силу стать Чадам Божиим. Новый Человек больше не слуга и не друг Бога; он – Сын Божий, обетованный Своим Отцом небесным на брак с собственной Мудростью. Возрожденный Новый Человек помолвлен с божественной Мудростью; он живет в упованиях на этот нерасторжимый и вечный брак. Сыновнее состояние есть третья степень божественного Присутствия в нас. Отсюда понятно, почему разодралась Храмовая завеса, и человеческое сознание погрузилось в Бога вплоть до того, что перестало чувствоваться разли-

чие между источником и его истечениями, ибо ВСЕ ЕДИНО. Здесь следует отметить, что мироустройство по Сен-Мартену складывается из сопряженных друг с другом иерархии (вертикали) и всеединства (горизонтали).

Исходя из учения древней христианской церкви, человеческое существование в божественной перспективе делилось на три эпохи: состояние человека и вещей до грехопадения (*systasis*), состояние после грехопадения (*katastasis*) и состояние восстановления или возвращения человека и вещей к своему былому неискаженному обличью (*apokatastasis*). Последнему полностью соответствует латинский термин *reintegrate* – реинтеграция. Процесс восстановления человека зависит от его желания, воления и начинается уже в этой жизни, т. е. в преодолении ее катастатического состояния. Характерно, что мартинизм здесь близок к православной доктрине обожения (*divinisatio*) или стяжания человеком Духа Святого (само по себе это учение не признается Римско-католической церковью и считается гностическим). Обожение или божественное усыновление по Сен-Мартену складывается из трех ступеней развития: Человек Желания, Новый Человек и Духовный Человек или Духо-Человек. Первым двум ступеням Сен-Мартен посвятил одноименные книги, третью он рассмотрел в своем наиболее глубоком итоговом сочинении «Руководство Духо-Человека».

Необходимо отметить, что три ступени духовного восхождения полностью сопрягаются с делением людей на четыре

типа, разработанным Луи-Клодом де Сен-Мартеном и его последователями. Итак, вот эти типы:

1. *Человек Увлекаемый (влекомый Потоком, плывущий по воле волн)* – категория людей безвольных, малоиндивидуальных, следующих моде данного мгновения и духу данной эпохи;

2. *Человек Желания (собственно, Душевный Человек)* – категория людей, сознательно, твердо и неуклонно ищущих самосовершенствования и Абсолютной Истины путем созерцания Естества, проникновения в собственное сердце и изучения источников Традиции;

3. *Новый Человек* – категория определяла людей, достигших известной степени астрального развития и поэтому уже не подверженных в суждениях о ближнем и о самом себе тем ошибкам, от которых не избавлены многие весьма искренние люди второго типа;

4. *Духо-Человек* – соответствовал людям, вполне оторвавшимся от рабства анимической (душевной) сферы, а с другой стороны – от неполноты сознания своего происхождения (4).

Удивительным образом здесь прослеживается аналогия с иерархией потребностей Абрахама Маслоу, по которой первый тип представляют собой люди, удовлетворяющие свои базовые потребности – физиологические и безопасности. Эти люди больше стремятся сравняться или хотя бы приблизиться по материальному достатку с окружающими, не

ищущими возможности совершенствования. Их абсолютное большинство.

Второй тип характерен для людей, удовлетворяющих базовые потребности в той мере, в которой это позволяет им перейти на удовлетворение потребностей высшего уровня, и стремящихся к этому. Такие люди активно социализируются. Их меньше, чем людей первого типа.

Третий тип людей можно описать, как удовлетворяющих высшие потребности по Маслоу – уважение и самоуважение. Таких людей можно определить, как активно стремящихся актуализироваться. Они удовлетворяют свои эстетические потребности, и их еще меньше.

Четвертый тип соответствует людям, которые согласно теории Маслоу удовлетворили свои потребности в познании и понимании; у таких людей развита метамотивация, у них сформировалось понимание смысла жизни, этики и эстетики человеческого бытия. Иными словами, они самоактуализировались, но в то же время у них поддерживаются потребности к развитию и углублению понимания этой жизни. Таких людей меньше всего, они по Маслоу наиболее духовно стабильны и наиболее здоровы и составляют духовное и нравственное здоровье общества (5).

Согласимся, что соответствие иерархии потребностей по Маслоу и человеческих типов у Сен-Мартена отнюдь не случайно и говорит скорее о зеркальном отражении социального в личностном и личностного в социальном. Если Сен-

Мартен изначально исходил из духовности, пребывая в системе религиозно-мистических координат, то Маслоу, занимаясь изучением личностных потребностей в социальном срезе снизу вверх, пришел к своеобразному одухотворению своей градации, когда человеческая душа на последней ступени его иерархии уже соприкасается с духом. И это тем более удивительно еще и потому, что Сен-Мартен исследовал конкретно взятого человека в отдельности, а Маслоу рассматривал потребности по отношению к человеку и наоборот. Однако оба они – каждый на своем уровне – раскрыли одну и ту же антропологическую матрицу, верную на социальном плане и в мистицизме, восходящую от земли к царству духа.

Тимос по-гречески означает душу, а точнее чувствительную, устремляющуюся, страдающую и сострадающую часть души, связанную с осознанной волей, волеизъявлением. В социологической концепции Фрэнсиса Фукуямы тимотический (душевный) человек тождествен Человеку Желания у Сен-Мартена, хотя сам термин «желание» для Фукуямы, несомненно, равнозначен хотению, страсти к вожделению (отчего сегодня и поощряется культ гедонизма): это характеризует иную категорию людей, которые уже задействованы в качестве послушных строителей Нового Мирового Порядка. Такие люди, зачастую представляющие из себя офисный планктон транснациональных корпораций, теряют свой божественный образ, превращаясь в винтики и механизмы

для возведения очередной Вавилонской Башни. Именно с сокращением количества тимотических (душевных) людей в мире Фукуяма связывал грядущий глобальный кризис и упадок человеческой цивилизации: «... Человек Экономический, истинный буржуа, будет вести внутренние «расчеты затрат и выгод», которые всегда дадут ему причину «работать внутри системы». И только тимотический человек, человек гнева, ревнующий за собственное достоинство и за достоинство своих сограждан, человек, который ощущает, что его ценность составляет большее, чем комплекс желаний, из которых складывается физическое существование, – только такой человек может встать перед танком или цепью солдат. И часто бывает так, что без таких мелких актов храбрости в ответ на мелкие акты несправедливости куда большая цепь событий, ведущих к фундаментальным изменениям, так и не будет запущена» (6).

Однако на смену этому индустриальному Экономическому Человеку должен прийти уже, по замыслу Жака Аттали, постиндустриальный «сетевой человек», «новый кочевник» со встроенным кибернетическим механизмом и поглотитель информации, не ведающий ни роду, ни племени, ни религии; одним словом, управляемый и задаваемый сетью дух, полностью противоположный Новому Человеку и Духо-Человеку Сен-Мартена. В этой связи Жак Аттали говорит о крахе традиционных вероисповеданий и некоем «новом завете» «сетевого человека» с Природой (7). Идея не нова: вспомним,

что ее родоначальником являлся основатель ордена иллюминатов Адам Вейсгаупт (его организацию не стоит путать с чисто христианским иллюминизмом Мартинеса де Паскуалиса и Сен-Мартена). Глубоко законспирированная структура ордена иллюминатов Вейсгаупта весьма напоминала современную сетевую матрицу. Правда, тогда этот воспитанник иезуитов из Ингольштадта не мог предположить, сколь востребованными окажутся его послы для сетевой технотронной идеологии Нового Мирового Порядка. О создании единой «натуральной религии» мечтали еще английские вольные каменщики первой половины XVIII в., но до Вейсгаупта их планы оставались довольно смутными и не шли дальше красивых, пусть и небезобидных деклараций о намерениях. Сегодня эту веру продвигает модернистский Ватикан, выступающий за объединение конфессий в одну универсальную сверхцерковь на ноахитских началах. Таким образом, у дальнейшего отпадения от Бога и деградации человека имеются свои иерархические уровни, противостоящие ступеням восстановления и божественного усыновления по Сен-Мартену. Здесь проглядываются признаки усыновления человека зверем и его образом в виде грандиозного брюссельского компьютера, несущего его число, и штампование людских душ в угоду князя мира сего. Однако общество, населенное данными индивидами, будет уже не человеческим, а постчеловеческим, что ярко изобразил Фукуяма (8). Постчеловек, исповедующий новое близкое к религиозному мировоззре-

ние трансгуманизма, как раз и представляется полным антиподом Духо-Человека Сен-Мартена. Трансгуманизм – это отказ от иерархии абсолютной Истины и перенос ее атрибутов на шкалу общечеловеческих ценностей и нового человеческого фрагментарного знания, зачастую вторгающегося в сугубое ведение Творца (генная инженерия, нанотехнологии, крионика и пр.). Отсюда отсутствие идеи теоцентризма в организации социума, упадок национальной государственности, фрагментация и помрачение сознания, утратившего свет божественного гнозиса: везде правят соты, слагающиеся друг с другом наподобие пазлов мелкие осколки. Некогда совершенный собирательный человек Адам Кадмон, символизировавший собой божественный сосуд, согрешив, разбился. Мы живем во время добивания, размельчания осколков, оставшихся от неземного образа Адама Кадмона. Между тем, одним из неорелигиозных и псевдонаучных направлений трансгуманизма является иммортализм, пытающийся достичь фактического бессмертия человека и, следовательно, увековечить пред лицом Господа и естества образ согрешивших Адама и Евы, наконец-то уподобившихся богам по наущению древнего змея. В этом, пожалуй, венец стародавних замыслов Адама Вейсгаупта и либерального франкмасонства. Достижение телесного бессмертия в дольном Иерусалиме – вот она подлинная «натуральная религия», провозглашавшаяся когда-то под сенью английских лож.

Для Сен-Мартена дольный мир это крайне искаженный в

кривом зеркале и перевернутый образ мира горнего. Тут уж никак не работает знаменитое утверждение Гермеса Трисмегиста: «что вверху, то и внизу». Да и взаимодействие между основными внутренними свойствами у Человека Желания совершенно иное, нежели у Человека Увлекаемого, и в этом смысле образ Человека Желания перевернут по отношению к образу дольного мира и Человека, влекомого Поток, что прекрасно показал христианский эзотерик и наш соотечественник Валентин Томберг: «Другой характерной особенностью *духовного человека* является то, что он висит вниз головой. Это означает, во-первых, что «твердая почва» под его ногами находится вверху, тогда как земля внизу есть лишь предмет забот и восприятия его головы. Во-вторых, это означает, что его *воля* связана с небесами и находится в непосредственном контакте (не посредством мыслей и чувств) с духовным миром. Таким образом, его воля «знает» то, что его голова – его мышление – все еще не знает, и таким же образом через его волю действует не опыт и память прошлого, но *будущее* – небесное предначертание будущего. А посему он буквально является «человеком будущего», ибо волю его побуждает *конечная причина*. Он есть «человек желания» в том смысле, какой вкладывают в это понятие Книга пророка Даниила и Луи-Клод де Сен-Мартен, т. е. человек, чья воля устремлена ввысь, выше всего, чем наделена голова, – мышления, воображения, памяти.

Отметим, что обычная взаимосвязь между мышлением,

чувством и волей у цивилизованного и образованного человека такова, что мышление пробуждает чувства и направляет волю. Мышление посредством воображения играет роль стимулятора по отношению к чувствам, а с помощью воображения и чувств – роль наставника, воспитывающего волю. При необходимости действия человек думает, воображает, чувствует и – наконец – желает и действует.

У «духовного человека» дело обстоит иначе. У него роль стимулятора и наставника по отношению к чувствам и мышлению играет воля. Вначале он действует, затем желает, а затем чувствует значимость своих действий и в конце концов понимает.

Авраам покинул край, где был рожден, и отправился – через пустыню – на чужбину, которая несколько столетий спустя станет отчизной для «семени Авраамова» – целого народа – и где еще через несколько столетий свершится великий труд спасения человечества. Знал ли он обо всем этом? И да, и нет. Да – в том смысле, что *он действовал так, словно знал*: его *воля* была пленена этими событиями будущего, их величием и значимостью. Нет – в том смысле, что ни в его мыслях, ни в воображении не было какого-либо плана или четкой программы того, как, когда и каким путем в точности все это будет осуществляться.

Уверенность, которая с самого начала завладевает волей и из которой исходит ее воздействие на чувства и мысли, и есть то самое, что апостол Павел понимал под словом «ве-

ра» (pistis, fides). По его словам:

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие; *и пошел, не зная, куда идет*» (Евр. 11: 1,8).

Таким образом, Авраам *«осуществил ожидаемое»* после того, как испытал «уверенность в невидимом», т. е. воля его знала, тогда как разум и воображение «не видели», что значит – не имели присущей им уверенности. И все же он *повиновался* и пошел, не зная, куда идет, т. е. совершил *действие*, прежде чем его мышление и воображение постигли все необъятное значение этого поступка. Следовательно, когда он отправился в путь, его голова последовала за ногами; его ноги оказались тогда «вверху», поскольку повиновались велению небес, а голова подчинилась им и оказалась «внизу», ибо не видела ничего, кроме лишений, опасностей и невзгод предпринятой затеи. Тем самым Авраам в точности оказался в положении «Повешенного».

«Верою Авраам повиновался призванию...» Вот ключ к тайне веры, или к знанию воли: *«...повиновался призванию...»*.

Воля есть активная сила, не являющаяся, естественно, органом восприятия. Чтобы обрести способность воспринимать, ей не следует – даже нельзя – становиться пассивной, ибо в этом случае она уснет либо исчезнет, поскольку активность – это сама ее суть, и, переставая быть активной, она

перестает быть волей. Нет, ей лишь следует сместить центр тяготения, т. е. преобразовать «*мою* волю» в «волю *Твою*». Одно лишь духовное проявление любви способно совершить смену того центра, который воля использует либо тяготеет к нему. Вместо тяготения к центру «я» она может подчинить себя велениям центра «ты». Это преображение, осуществляемое любовью, и есть то, что именуется «*послушанием*». Итак, только через послушание воля обретает способность *воспринимать*. Воспринимать или вдохновляться откровением свыше, которое воодушевляет, направляет и укрепляет силы. Вот почему воля мученика способна все вытерпеть, а воля чудотворца способна все свершить.

Господень призыв Авраама был как раз таким проявлением вдохновляющего откровения. «И он повиновался», — говорит апостол. Тем не менее, здесь необходимо добавить, что он повиновался еще до того, как отправился в путь. Ибо сам по себе *Господень призыв* предполагает повиновение — трансцентрализацию воли, которая дает ей возможность услышать зов свыше. Ведь воля уже должна быть в состоянии послушания, чтобы быть способной воспринять вдохновение или интуицию свыше и запечатлеть призыв Господа, т. е. *дар веры*» (9).

По всем приведенным выше доводам Люди Желания неорганичны дольнему миру, поскольку представляют собой в волевом осознании веры опрокинутую «подвешенную» вертикальную перспективу горнего мира в дольном,

тогда как Люди Увлекаемые являются обыкновенной горизонтальной перспективой ткани общего осознания бытийного Потока, который многие метафизики рассматривают в качестве иллюзии или ничто. Однако оскудение числа Людей Желания и увеличение количества Людей Увлекаемых (разрастание иллюзии бытийного Потока) ставит под вопрос и делает проблематичным само существование мира, что мы отчетливо ощущаем в настоящее время. Сен-Мартен предвидел это в своем произведении более чем за два века до нас, что делает его, несомненно, эсхатологическим автором. Вертикаль волевого осознания веры, которую удерживали святые, духовидцы, пророки, мистики, а также подлинные Люди Желания ныне становится все тоньше и грозит истощиться, распавшись на фрагменты, отдельные светящиеся точки в охваченном хаосом океане иллюзии постиндустриальной цивилизации. Что будет с мирозданием, когда это случится окончательно и бесповоротно?

Постепенно захлебываясь и утопая в вязком потоке повседневности, все меньше людей готовы посвятить себя служению Абсолютной Петине, все меньше из них призываются Провидением и становятся Людьми Желания, отстраняясь от всеобщего течения и поднимаясь на Животворный Берег для созерцания этой мутной и прозрачной, но всегда трагичной Реки Времен, уносящей с собой и предающей небытию дела, господства и царства: sic transit Gloria mundi.

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт

Источники

1. *О заблуждениях и истине* (1775 г.). *Картина отношений между Богом, человеком и вселенной* (1782 г.), в 2-х томах.
2. Элементы, № 9, М., 2000. Алексей Цветков. «Штирнер – Прудон: два полюса анархии».
3. *De Civitate Dei*. Блаженный Августин.
4. АУМ, М. Терра. 1990. Вып. № 2.
5. Насибулина А.Н., Сулейменов Н.С., Осик Ю.Н., Наплевков Д.С. Различие в потребностях людей по А. Маслоу как градация их уровня развития. Карагандинский технический государственный университет. Караганда, 2005.
6. Фукуяма Ф. «Конец истории и последний человек» 16. Краснощекий зверь. М. АСТ. 2005.
7. Аттали Жак. На пороге нового тысячелетия. Международные отношения, М. 1993.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. АСТ, 2004.
9. Валентин Томберг. Медитации на ТАРО. М., «София», 2000; сс.265–266. Письмо XII. Повешенный.

Луи-Клод де Сен-Мартен. «Человек желания»

*Перевод с французского ритмической прозой Владимира
Ткаченко-Гильдебрандта*

1

Господни чудеса в безмерном поле разбросанными кажутся без замысла и хаотично.

И в россыпях они сияют, подобно многочисленным соцветьям, которые весною украшают наши луговины.

Для описанья их сурового вы плана не ищите. Начала сущностей в Тебе содержатся, Господь.

И это их с Тобой связь потаенная, достоинство им давшим, каким бы не предстало место их, к какому бы разряду не принадлежали.

Дерзну взгляд возвести к престолу Твоей славы. И мысленно я оживлю себя, Твою любовь по отношению к человеку изучая, а с ней премудрость, что господствует в Твоих трудах.

Глагол Твой приумножился в своих частицах от рожденья; он уподобился стремнине, на скалы острые с высот ниспавшей.

Его я вижу в тучах грозowych: там капля всякая, летящая в пространстве, для глаз моих огонь светила солнца отражает.

Так слова Твоего лучи в очах премудрого блистают своим живительным святым свеченьем: он труд Твой созерцает, который сотворил все міроздание и оживил его.

Моих псалмов верховные порывы, сколь часто буду я невольно отвращать свой взор от вашей высоты.

Мнит себя смертным человек, поскольку в себе самом он нечто смертное обрел.

Но и Того, Кто всяким существам жизнь даровал, рассматривать он умудрился отнюдь не жизнедавецем.

Иерусалим, в чем упрекнуть тебя бы только не могли пророки Божии.

«Ты брал, что украшением тебе служило, – изрек Господь, – что было сделано из золота Моего и серебра, которые тебе Я дал; из этого ты сотворил изображения людей и с ними развращался».

Печали вопль смешайте и песни ликования мои: отныне радость чистая не создана для скорбной человеческой юдоли.

Неумолимые свидетельства первоначальных истин, не проявились ли уже среди народов?

И если вас сомненья гложут, спешите к их источнику припасть. Тогда вы обратитесь, слив голос собственный с моим.

И вместе мы восславим наслажденья человека изволенья, что счастьем обладал об истине скорбеть.

2

Благословенным будь, свет осиянный, блеск видимый предвечного свечения, откуда мысль моя взяла существование.

Коль не была б она одной из искр твоих, то не имел бы силы созерцать тебя я.

И не сумел бы быть охваченный восторгом в величии твоём, когда б не заронил в меня крупицу собственного измерения ты.

Умолкните, кумиры человеков: огонь светильника другим светильникам передается, ничуть не уменьшаясь; так Богом произведены и духи.

Не умаляйте зримого свечения, твердя о механизме в нём материальном.

Светильник наделяет жизнь порядком, но не законом порождений.

Нужна ли сущность вне светильника сего, чтоб сообщать ему свечение, что зримо?

Но сам Господь есть свет; рождает в средоточии своем он сущность светлую, исполненную в духе.

Вершится все десницею начала всех вещей, что возжелало видимого света для чувств и жизни тела моего.

Хотел Господь, чтоб на моих глазах свечение солнца пробудило чувство зримого сияния.

Но он желал еще, чтобы в моей душе проснулось чувство и невидимого света.

Ведь почерпнул он сам в сем свете святости зародыш, что душу человека вдохновил.

Не так ли свечи на живом подсвечнике восходят, и сила их не в этом ли елее, во мне вскормившем свет? Не этот ли елей себя всегда уничтожает, но никогда не иссякает сам?

Пусть жизнь его сливается с моею брэнной жизнью, и возрождает он во мне ту жизнь, что сам и произвел.

Так будет же продлен бессмертный и божественный мой рост, как возрастание предвечного истока.

Пронизывает существа он, от Бога восприявшие жизнь вющую свою: последние вмиг обретают смерть, когда утрачивают связь с источником своим.

О, вы, живущие в земном уделе, вострепещите в радости, ведь можете участие принять в общении вселенском.

И уподобившись весталкам, вы можете хранить священный пламень, сияя им повсюду во вселенной.

Но почему так светом дорожили разумные и целомудренные люди? Да потому что ведомо вполне им: свет и душа два светоча, которые не смогут никогда угаснуть.

И почему, возвышенный агент, ты перестать не можешь все собою проникать, все видеть и нести повсюду ясность?

Ответ таков: почерпнутый в источнике твоём святой елей развеян был по всем пространствам, где свет обрел необходимое себе питание.

3

Прошелся взглядом я своим по естеству.

Куда спешите вы, мятежные потоки?

Стремимся переполнить бездну мы, похоронив в воде лихое беззаконье.

Спешим мы погасить вулканы, ведь тлеющие эти головни являются остатками великого пожара.

Когда исполнить сможем этот труд, утихомятятся истоки наши.

И грязь сосредоточится в пучинах.

На месте бездн равнины плодоносные воспрянут.

И мирные стада пастись не перестанут в местах, где плавали прожорливые рыбы.

Счастливый человек пребудет в умиротворении средь тучных нив и там, где некогда кипели океана волны, возмущенные стихией.

Беспечный, без внимания к себе пройдет он путь земной, ничуть не приоткрывши око духа своего.

Природы дуновения проследуют пред ним, не пробудив в нем никакого интереса и не возвысив мысль его.

Хотя в сей мир пришел он, чтоб объять вселенную своей духовной мыслью, но тонет разумение его в предметах мелких: уловлен ими он.

Ужели вновь необходимы катастрофы, чтоб пробудился

ты от своего дурмана? Но, испытав однажды их, ты ужаснулся и не взял их впрок.

Земли поверхность собою проявляет грани трех законов, что правили ее круговоротом.

Ведь элементы бурные, круша кору земную, создали цепи гор вторичных и вулканы, – вот пламя и число.

А колыханье медленное волн произвело нагорья и долины, – число и мера здесь.

А притяженье равномерное создало лишь долины, – вот сила тяготения земного.

Повсюду жизнь стремится утвердиться, ведь хаос чужд извечно естеству.

Во всем душа людская обретает плодovitость и молвит, будто создана для жизни.

Хотя таит в себе следы неистовых страданий, которые ее когда-то истязали.

Однако до сих пор она способна, подобно пламени вулканов, над безднами подняться и воспарить в края сверкающие неба.

Желаешь ли ты ангела обидеть своего? Иль отказаться хочешь ты от таковой затеи?

Хотя твой ангел страдает только от того, что не взыскуешь ты познать, в чем заключается Господне дело.

И кто помыслить сможет, что нарушители страданье Богу причинят, пусть даже заблуждениями своими они противодействуют Ему?

Нет, человек, не выдержишь ты вида столь удручающей картины для себя. Кто, как не Бог, здесь обладал бы силой?

Однако же прощает Он всегда, и только от Него научены мы милосердью.

Ты ежедневно следуй путями этого ученья, когда познать желаешь Бога Своего труды.

И пусть учитель даст в них наставленье, найдя в тебе усердного ученика.

Иль можешь бесполезным ты считать для собственного ангела терпение свое, возвращенное с любовью?

Не будет лишним здесь сказать: твое терпение тебя сближает с Божеством и доставляет радость Богу; благодаря терпению ты дружишь с Ним, Его любви становишься достойным.

Вот труд; вот первая ступень деянья. И пусть меня услышат все народы.

И пусть они благочестивей станут, чтобы почувствовать терпенье внутреннее милосердия.

Я вижу слова два, начертанных на древе жизни: Меч и Любовь.

Мечом от слова покорю врагов Господних, затем свяжу и помешаю огорчение творить для Бога Моего.

Усердно и с любовью умолю я Бога излить хотя бы луч один святого милосердия на меня.

Достигнув этого, утешил бы Его я, взяв на себя хоть капель несколько терпения любви Господней.

Пусть не смущает, Мой Господь, Тебя возвышенность идеи этой: мог только Ты ее зажечь в моей груди.

Она настолько животворна, что в ней я мыслю рассмотреть след благостный предназначенья своего

Земные наши узы от нас скрывают наш удел божественный и древний.

Его не преминет изведать тот, кто силою души способен приподнять стальные путы.

О, мудрость глубочайшая, не сотворила б ты и вовсе существа, заранее не дав его желаньям меру с силой, дабы хранить свое создание.

И на основе этой ты преобразовала существа: они лишь отраженья твоей славы, которую воспроизводишь ты во всех своих трудах.

Отмерила ты человеку достойнейшую часть могущества сего.

Откуда бы к нему пришло искусство свои утечи умножать и ловкость отстраняться от недугов, излечивая их?

Не здесь ли мера высшая инстинкта самосохраненья, которым наделила ты все существа свои?

И только в человеке соединяются в своей предельной мере и чувство самосохранения, и сила, противоположная сему инстинкту.

И только человек способен обуздать и приглушить инстинкт животный этот, им овладевший более, чем всяким существом иным.

И только человек способен на самоубийство! Один он властен средства выбирать и сочетать, чтобы предаться смерти!...

Ученье лживое, рукоплещи триумфу своему: ты ослепило вовсе человека.

Его заставило увидеть ты в двух этих крайностях одно и то же самое начало!

Его заставило считать ты, что агент один и тот же и сохраняется, и разрушается потом.

Его заставило ты верить, будто смерть и жизнь, произведение и распад в зародыше содержатся едином.

Напрасно ищешь подтверждений ты в животном мире: ты не найдешь там ничего, что бы для умственного взора хотя б уменьшило ужасное противоречие это.

Коль скажут, исходя из строгости вещественного строя, что зуб за зуб, а око будь за око, то почему же истина сия не станет нам полезной в духовном добродетельном укладе?

Пожертвуй жизнь свою, коль хочешь жизни причаститься.

Ее пожертвуй без остатка, если хочешь, чтоб жизнь тебе дарована была в единстве полноты своей.

Пусть ты свои пристрастия ослабил и даже перестал смотреть на радости свои, но жизни нет еще в тебе в единстве полноты.

Когда преодолеешь сей предел, не сможешь уж тогда смирять свое волнение посредством жертвоприношений, себя предостеречь не в силах будешь от святого утоленья.

Дух истины тебя не перестанет бичевать и, истязая, он толкнет тебя в пустыню.

И ты тогда провозгласишь народам: *исправьте Господу пути.*

Небесные, земные, вселенские господства, почтите человеческую душу, ведь Сам Господь грядет с ней обновить завет и сочетаться с нею новым договором мира.

Он ей открыл небесные архивы; она сокровищам там изумилась, что уготованы для человека мира.

Она там видела светильники рассудка, сияющие вечно, животворящие источники любви в их устремлении, что веч-

но, непрерывно.

Она там книги жизни рассмотрела, откуда черпались законы для народов.

Читала в них она историю племен ушедших, а также будущих и настоящих.

Вдыхала там она дыхание бальзама, который изливаем всякий день для исцеления болезней у людей.

Там видела оружие победы, которым суждено сразить врагов отчизны.

И возжелав, душа людская сегодня может в обладание войти сокровищницы этой, потребности своей и братьев повинуюсь.

Душа людская, смиренно, покаянно устремляйся к Богу. И так ты обретешь дорогу, ведущую к любви и свету.

Затем ты, милосердно к братьям снизойдя, поделишь между ними сокровища Господни.

Пред нищим отворив сокровища златые, сумеете ли больше помышлять о нуждах духа, чем об уладах бренной оболочки?

Благодаря порывам этим, желаете ли вы ее облечь хотя б частично свободой и деяньем, которых лишена она из-за беды своей?

Хотите ли, чтобы, благодаря свободе, она бы средство обрела, как легче непрестанно славить Бога и возыметь обогащение в молитве?

Вот милосердья истинная цель: так милостыня может про-

двигать Господне дело.

Господь есть дух; желает Он, чтоб создаваемое вами одухотворялось.

И если милостыню вы творите, то, радуясь, у нищего просите за вас молиться.

Так просите вы больше за себя, чем вы ему монетой воздаете; и думаете о себе скорее, нежели о нем.

Однако менее свободен он молитве предаваться.

Труды же одухотворяйте, когда хотите, чтоб они во всем согласовались с правосудьем.

О, мифов толкователи, зачем вам утверждать, что в них сокрыт лишь ход небесных звезд с законами природы вещественной и бренной?

Какое соответствие тогда меж образом и отраженной вещью? Не бесполезно ли искусство аллегорий там, где видим превосходство мы его над собственным предметом?

И в случае таком, не перестанет ли аллегория сама собой являться? Увы, тогда она пребудет свойством, что действует прямолинейно.

И если бы возвысились вы вдруг к природы действенным началам, то все равно их знание и применение останется неведомым профану!

Но новая превратность возникает: и мифология, и физика извечно пребывали в споре.

Чтоб быть доступной, мифология должна, по крайней мере, покоиться на действенных началах естества.

Однако физика никак не жаждет постигать начала, желая все создать посредством агрегатов.

Но разве есть единство, к которому возможно стало бы приобщенье?

О, физика и мифология, способны вы взаимно примириться, отбросив всяк свою систему, возвысившись к ступени совершенной: вы обе там смогли найти бы ключ от соб-

ственной храмины.

Когда же завладеете ключом, используйте его благоразумно. Все искажения восходят к бренному истоку.

Все исправленья к чистому источнику ведут. Как без надзора высшего вам применять свои начала?

Что делаете вы, ученые невежды, когда живописуете законы нам начал образования?

Из смерти вы составить жизнь стремитесь; и физику вы всю свою берете на погостах.

И чем заполнены все ваши кабинеты? Скелеты, трупы, коим тщитесь вы сберечь и форму, и расцветку, хотя животворящее начало оставило их навсегда.

И ваша мысль, не говорит она ли, что лучшая та физика, которая начала изучает, оставившие мертвые тела?

Но нет, по-прежнему вы бдите разрушительным и мертвым взглядом над каждым из предметов ваших умозаключений.

Его вы переносите на равнобедренный прямоугольник, который вы познать искали, поскольку нашли материальные соотношенья между своими результатами и результатами его сторон.

Хотя число, соотношение верное с основой этой мы не получим никогда: когда бы мы познали их, смогли бы духов создавать.

И не достаточно ли счесть в двух средоточиях основу, которая бы попыталась соотношение отразить, что отвергает

неиссякаемый источник для ваших слез, для разума вашего и удивления?

Но вы свой мертвый взгляд переносили на предмет, располагавшийся пред вами: и взглядом этим вы объявляли даже слово.

О, высшее и отличительное свойство, для них ты только плод умножения знаков осязаемых.

И языки для них – приспособление простое, вместо того, чтобы экспрессией являться, итогом бытия.

И разве они не ищут их происхождение в обычных наших отношениях?

Хоть некогда вещалось этим господам: для сотворения слова необходимо было слово.

Хоть видят способом каким все дети изучают языки, что существует лишь один закон, который задан и отмерен для всяких нужд и возрастных разрядов.

Материя, материя, какую пагубную пелену над истиной ты распростерла!

Как возрождением вошло в мир дольний слово, сначала сделавшись доступнее для нас.

От семени оно могло лишь возродиться, как всякое растение; необходимым стало, чтобы оно свой собственный зародыш наплатило, а тот бы произвел плоды среди человеческого рода.

Разрушьтесь, эшафоты ложных знаний, и обратитесь в прах: не сможете сопротивляться вы малейшему началу све-

TOBOMY.

8

И разве не лучший способ помощь испросить – направиться самим отважно на место нахождения ее?

И не находится ли в действии она, которое питает силу?

Велик лишь тот, кто борется, и это единственное средство наслаждение познать.

Таков секрет первоначальный: чтобы подняться над невежеством и заблуждением нашим, необходимо нам преодолеть самих себя.

И для того Господь нам посылает испытания, чтобы молить Его мы обладали правом без ущерба, который мы себе наносим по слабости своей.

И если твое сердце полно Божеством, твори изустную молитву, которая предстанет выраженьем духа: она такой всегда должна была являться.

И если твое сердце окажется сухим до пустоты, держись тогда немой и умственной молитвы: она даст время сердцу твоему и средство его согреть и преисполнить.

Благодаря простым секретам этим, научишься ты вскоре познавать, какие существуют права души у человека.

Когда ее давила животворящая десница, чтоб выжать извращенье из нее, она затем опять свободное пространство занимала, благодаря естественной упругости своей.

Научишься ты вскоре познавать, какую обладает властью

душа над *воздухом*, над *звуком* и над *светом*, и над господством *тьмы*.

Так бодрствуй же, пока не оказался среди гибели сынов. Они не могут ничего, хотя б тебя и убеждали, что обладают некой силой.

И как могли б являться друзьями истины они, когда сравнения, которые они нам представляют, всегда фальшивы?

На внешних существах не остается никакого отпечатка от деянья истинных существ: вот почему *мрак не способен свет постигнуть*.

Коль хочешь ты свет этот воспринять, не сравнивай его ни с чем тебе известным.

Так очищайся же, проси и постигай, и действуй: весь труд поры четыре обнимает.

Какой бы человек осмелился туда ступить без очищенья, ведь он не сделает и шага одного, ноги не занеся к ступеням алтаря?

Уверенности в силе Божества одной не хватит, необходимо и в своей не сомневаться силе.

Господь дал силу с именем тебе, и Он не спрашивает больше, как ты ему послужишь.

Не оставляй же целиком труда на попечение Бога Твоего, ведь Он желал тебе определенную работу.

Все Свои блага изливать готов Он на тебя, не прерываясь, прося тебя о том, чтобы за злом следил ты неусыпно, не оказавшись им застигнутым врасплох.

Его любовь изгнала зло за стены храма, но не твоя ль неблагодарность заставила его туда вернуться?

О, человек, где обрести предназначенье, которое преодолет твой удел, ведь призван ты являться братом Богу, с Ним сообща трудясь?

Кто человеку мудрость даст, дабы уразуметь ему путь слова?

Господь вешал в устах своих пророков. Познаете вы истину того, кто прорицает, иль ложный дух, которым он внушаем, *коль все предсказанное совершится: поверите тогда вы в подлинность его.*

Но не исполнился ль закон, и разве великое предзнаменование непрочностью не поразило все знаки прежние?

Не должно ли прийти пророкам заблуждения и лжи, которые сумеют даже избранных прельстить?

Я вижу их творящими чудесные дела, вещающими о событиях, которые настанут.

Я вижу их под стать Илие, которые заставят огонь свести с небес.

Беда грядущим временам, где ложь сумеет внешне в истину облечься!

О подражателях себя предупреждайте всякий час. С тех пор как человек продан в греховности порабощенье, грех пользуется им не менее успешно, чем премудрость.

Теперь необходимо человеку в себе самом проникновенно разобраться, чтоб новые знаменья обрести.

Смирнен, кроток ли пророк? Во имя Царствия Господня он проповедует, иль именем своим подвигнут?

Показывают ли его стенания и слезы на милосердия порывы? Готов ли жизнь отдать за братьев он? И с названными добродетелями соединено ли ученье правоверное на деле?

К пророку обратитесь, исследуйте его шаги, к его вы духу прилепитесь: любовь от сердца и преданность исповеданью – дары, которые чужды притворству.

Когда бы вы нашли среди смятения и тьмы круг, светом вас опоясавший, то в нем вы были бы отделены от мрака.

Чем больше время мчит, переполняясь нестроением своим, тем больше должен устремляться человек в свою светящуюся грань.

Но как в нее войти, всецело не предавшись духу жизни и с пылом к ней не устремившись, как будто бы снедаем голодом?

Нет радости, которая могла б сравниться с наслаждением идти стезями мудрости и правды.

Труды Господни в тишине творятся; незримым пребывает их начало.

Возьми образчик сей для разуменья, все познавая впредь по благодати плодов; стези блаженства на путях негромких.

Ведь если бы подобно сущностям, слагающим тела, вдруг воздух оказался зримым, попал бы он в разряд столь чудный естества?

Какая связь произрастает между жизни духом и смертью преходящего творенья? Так, смертный человек сулит намного больше, чем в силах дать, и только дух вершит сверх всех своих обетов.

Во исполнение промыслов Своих, Господь народ Свой вел путем неисследимым. И притчами Он говорил народу: без этого Евреи не смогли бы постичь земных племен спасение.

Тогда бы им вовек не быть прощенным за жертву и заклание Его, и если бы они сего не совершили, то род людской бы не вошел в божественный удел.

Покров пророчества, прости незнание дщери Моего народа, и милосердия врата пребудут уж отверсты для нее.

Господь желал лишь отстраниться от Евреев, но не отвергнуть их навеки.

Просили ведь они, чтоб кровь Его упала бы на них и их детей? И в крови сей животворящий дух. Так может ли он

смерть нести собой?

Любовь провидческая Бога моего повсюду устрояет возможности спасенья чад своих.

Невежество народов есть залог, что бесконечно сохранен для их прощенья.

Сколь необъятны Премудрость, Сила и Любовь Господни!
О, Род людской, себе подобных судишь ты, своим законам повиняясь. И разве больше мы законов Божества?

Но правосудию Его способны мы воздать молитвой. В порыве искреннем, рожденном в нашей сущности глубинной.

Чем более порыв сей станет устремленным, тем больше силы и деянья возымеет, запечатлется характером единства, победы свойством непреодолимым.

И воды, заключенные под землю, зачем друг с другом общаются повсюду?

Зачем коловращения они проходят сквозь смрадные пространства и очищаются потом, в волокнах очищаясь?

И воздух почему, исполнив атмосферу, закону повинуется тому же и входит в наши легкие, в растительности токи?

И почему флюиды естества стремятся с места одного к другому во благо всего сущего вокруг?

И почему, коль мы взаимности достойны их, то разом пьем живительный напиток, не пригубив никак налитый кубок?

Сие к тому, чтобы уразуметь закон духовный, правящий над нами, где атмосфера с мудростью граничит.

Верховное вселенское единство, причастники мы все единой мысли. И тот же дух витает в мыслящих твореньях, когда мы беспрерывно припадаем к единому источнику его.

И меж собой рассудки наши сообщаются благодаря духовной пище; подобие – тела в вещественном круговороте.

Смогли бы мы от жизни устранимся, когда живое все пред нами? Как можем в неприязни к людям за стол один садиться с ними и пить заздравный братский кубок?

Вещей живых уж не взыскуют люди; все то, что делают они, занятиям предаваясь или плодя научные трактаты, ни-

как их не ведет дорогой жизни.

Хотя одним деянием мгновенным они способны с истиною слиться, чтоб больше от нее не удаляться!

Естественная сила человека, ты поглощаешься, рождаясь, как и прежде, пусть над тобой не властна невольная случайность бытия. Но к бедам прошлого опять ты поспешаешь, сокровищницу опыта пополнив.

И воздыхаешь ты, всеобщий мир разрушив! И маятник был приведен в движение, как только злодеяние свершилось. Остановиться маятник не в силах – сильнее колебаться продолжает.

И должно ждать конца столетий, когда утихнет он в последнем колебании своем и существа все обретут покой.

Какое изумление ждет тех, которые в своей земной юдоли посмели мнить о запредельном мире как о ничтожестве, презрев движение вселенской жизни?

И был бы Бог долготерпением прославлен, коль не сумел бы удивить потомков человеков, спешащих в область бытия и света?

Когда они окажутся в уделе, где смогут созерцать флюид простой и постоянный, исток и принцип всех движений, несущий всюду жизни полноту?

Где обрести идею подлинного света, что просвещает при рождении человека? Ведь в жизни дольней мы – пловцы во мраке и атмосфере смутных очертаний.

Премудрость, сколь прекрасна ты, ведь падшее создание

способно стать спутником твоим, когда сумеет воспринять и самый малый из твоих лучей.

Да будет жизнь моя псалмом и песнью непрестанной:
мощь Бога моего не ведает границ.

Хвалю создавшего я душу человека из сгустка добродетелей своих.

Его хвалю: все мыслящие твари – свидетели Его существования.

Его я восхваляю: итак, душа людская проявлена как Он посредством слова.

Его я восхваляю: не покидает никогда Он человека в его несчастий.

Его я восхваляю: Он наставляет человека, подобно нежной матери, что учит своего ребенка шагам первоначальным.

Его я восхваляю, поскольку дал возможность человеку использовать животных в обработке пашен.

О, Люди, прекратите доказывать существование Бога лишь естеством вещественным. Хотя и тут вы в силах доказать могущество и творчество Господни.

Когда бы материальная природа, исполнив все свои предназначенья, уже бы не существовала боле, как доказали б вы Создавшего ее?

И коль ее вы делаете вечной, то сообщите ей со святостью премудрость, что Бога Вашего достойны, убрав все образы, которые она собой являет: становятся излишними они.

Когда б она не обладала мыслью и свободой, как объяснили бы в ней нестроения, видимые взору.

Пусть говорят о вящей славе Божьей небеса, хотя Его любовь и мудрость свидетельство свое запечатлели достоверно на сердце человеческом.

И в сущности бессмертной нашей, превосходящей всякие границы, таится знак, вещающий о Боге, святом и сокровенном, животворящем, к которому должны мы возносить свои благодаренья.

И если вдруг вселенная угаснет, реальность Божия ни в чем не умалится: одной лишь человеческой душе дано воскреснуть на обломках мироздания.

И если приглушаете вы душу и охлаждаете бездействием ее, нет больше Бога для нее, но нет и Бога больше во вселенной.

Держу я бдящей свою душу, вот почему со мной всегда присутствие Господне.

Ее я устремляю постигать законы Бога в размышленьях.

Ее я устремляю познавать и в жизни применять итог благодеяний.

Ее я устремляю возрождаться в источниках животворящих.

Ее я устремляю воспевать все чудеса Господни, безмерность милосердия Творца к Его творенью – человеку.

И смогут ли мгновения, когда не будет уж слышна молитва, остановить Господне милосердие? Да будет жизнь моя

псалмом и песнью непрестанной, ведь сила и любовь Твои,
Мой Бог, не ведают пределов.

И только приступлю Всевышнего восславить, пошлет он
мне Святого Духа.

Тот станет мне Утешителем мирным.

И сделает меня покорным Божьему порядку.

Внушит любовь мне к Дому Бога моего.

Она же принесет мне избавленье.

Тьма заблуждения отринет от меня, чтоб быть вовек низ-
верженной в пучинах мрака.

Вот падает хрустальный кубок вниз и бьется. Мгновение назад еще полезным был предметом он, когда могли вы поднести его к устам, испив приятный укрепляющий напиток.

Его осколки острые сейчас способны только ранить вашу руку.

Упавший и разбившийся о землю кубок собой являет благосклонность властолюбца, вдруг обернувшуюся гневом.

Спокойный, кроткий этот муж в своей не помутненной славе; когда ж она подвергнется напасти, возьмет он с жертвенника жгучий уголь и кинет вам в лицо, хотя уместней было б собственную славу охранить.

Увы, ему уже не нужен разум, дабы привлечь ее опять — ему позволено прибегнуть к силе власти.

Беда ягненку, оказавшемуся вдруг в сени его карающей десницы. Он разорвет его, сказав затем, что тот являлся тигром; и все за истину воспримут это.

Утешьтесь же о мире сем, безвластные творенья. Ведь на себя самих сановники возводят два суда. Пусть осуждают вас они одним, когда вы даже невиновны; другой обязывает их совсем пересмотреть свой приговор.

И разве в силах обрести не зыбкую и стойкую основу презренья подлые слова? Им суждено скитаться, поскольку лишь в обманутой душе заблудшего в смятеньях человека

они способны отворить обитель.

О, истина святая, пока ты пребываешь замурованной в гробницах, пусть погребли туда тебя еще живой.

Но ты воспрянешь вновь во всех земных пределах, изгонишь смерть в ее могилу, чтоб облеклась она там тленом.

Ведь сам Господь тебя восставил, который будет впредь распространять твоих учеников в очах народов.

И как Он рек вам? С оружием поднявшийся на вас не причинит вам малого ущерба; и сами будете судить вы все языки, что встанут против вас, приговорив вас прежде.

И в этом наследие слугителей Господних, что оправданье предо Мною обретут, – так говорит Господь.

О, жертвы скорбные людских превозношений, крепитесь, дабы не угас в вас утешенья пламень.

И краток переход: обители вам виден уже брег. Так сохраните же в себе живую искру упования, ее одну обороните неусыпно.

Когда придете вы в жилище жизни вечной, понадобится только эта искра, которая, объяв собой пространства, для вас зажжет их светом.

Состав ее воспламеняем больше, чем молнии субстанция самой, стремительней он сполохов зарниц.

Возьми кифару и не оставляй ее. И не давай отдохновения духу до той поры, пока он запада однажды не достигнет, дабы, вернувшись на восток, начать свой новый путь.

Когда сумеет одолеть он север, то к югу возвратится. О, как от бездны глубины он всякий день взмывает к источнику, откуда истекают волны света!

Господь заставит человека истину услышать, к коей призывает. Встревожит Он его среди удовольствий ложных, вдруг поразив великим назиданьем.

Его Он оживит влеченьем к добродетелям сокрытым. Его наставит Он в легчайших сновиденьях: «Не так ли некогда Я вел своих пророков?»

«О, люди слабые, ленивые рабы, когда бы оказались вы в сплошном потоке смрадной грязи, как нужно было бы стараться, чтобы на брег сухой вам вновь взойти?»

Воздействие сие уводит от наклонности природной. Но только так способны люди над ней возобладать.

Убежища селение взыскайте: объаты все вы беспросветной ночью, и сложно вам мгновение прожить, невольно не пролив кровь ваших братьев.

Преследуют вас родственники их и непрестанно мнят свершить отмщенье. И ваши дни в опасности проходят; Господь же хочет жизнь вам сохранить.

Всецело устремляйтесь в убежища селения, в которых милосердием наполнено пространство, дарованное вам.

Бог умиротворяющий, припомни избранников Твоих, что просят проклятья для себя во избавленье братии своей.

Для имени Господня они сего желают. Твоя любовь их поведет в пустыню и будет их питать до той поры, пока оттуда братья их не выйдут.

Заложниками смерти они станут, но выкупишь Ты их.

Одна любовь проводит эту жертву, одна любовь ее постичь способна. Но лишь Твоей любви бессмертной в силах заклание сие исполнить неизбывно.

И пусть не говорит никто из смертных, что жажда истины дана нам в наказанье.

Ведь истина и вовсе не карает, но совершенствует и улучшает.

И мудрость такова: нам служит вразумленьем.

Любовь пути ее уготовляет. Да как могла б любовь карать кого-то?

Вот то, что образует, люди, суть Бога вашего.

Ведь мудрость не войдет в вас искренним желанием, средств верных не имея удовлетворить его. Она есть мера верная, которая в вас действует собой.

Но несмышленные, безумные вы судьи, решившие отъять у слабых смертных меру!

Когда владыками вы рано становились, судили вы о людях по скрытым преждевременным плодам и так вводили их в смятенье.

Когда людей идеи вдохновляли вас, не вовремя внушали смертным вы желания опасные.

Когда привлечь пытались разум их к вещами витиеватым, то затрудненья порождали, сбивая с толку малых сих.

Премудрость, ты одна возносишь человека без усталости и без препятствий в чертоги мирные, где истина и свет.

Дашь посреднику, сосуду своему ты время; и, уподобив-

шишь тебе, он изучает все методою негромкой скромной и повсеместно тишину хранит; однако люди нас не разумеют в велеречивости чрезмерной их.

Господь стремителен и пламени сродни живому; овладевает Он частицами огня, которые внутри Его существ заключены.

И пред душою человека Он возжигает светоч; ведет ее Он Сам уверенно до врат любви.

О, человек! Как вострепещешь ты однажды, когда от охватившего смятенья приблизишься сам к области порядка.

И вновь на чудо уповая, которым животворная премудрость воздвигла жизнь мою, как мог в торговца превратиться я, прельстившимся на призрак?

И как в неправедности мог я обличать десницу, что благами меня осыпала своими?

Не победило б слово время и не вошло бы в человека, на нем запечатлевшись, и слышно не было бы вовсе, когда б оно не зазвучало в его душе гармонии напевом, хвалящем мировое милосердьё.

Нет, Господи, не должно человеку любыми благами владеть в мфской юдоли, что возникают в представлении его.

Ему не хочешь Ты отказывать в надежде, отчаяньем объяв, и правосудие не может над ним свершиться целиком: тогда не выдержит его он.

Какой чудесной станет явь грядущего тысячелетья, коль так великолепна и прелестна иллюзия существования земного, обманчивого внешностью своей.

В жилищах горних деянье духа непрестанно.

Туда направит свои взоры вновь возрожденный без изъяна человек; проникнувшись живыми чистыми вещами, их видом он пребудет освящен.

На нем сойдутся все движенья, и без огреха будет развиваться его любое свойство.

И если даже времени течение прейдет, то разве перестанет он правами обладать своими?

Во всякую годину с трудом мы ищем истину и мудрость, но их объемлет только мир, над временем который расположен. Но иго вековое восприняв, невольно искажаем мы понятия эти.

Однако искажения обитателей священных не достигнут.

И кровь земная уж не взойдет над нашей головою: троичной молнией Предвечный заставил мерно течь ее по жилам.

Связал Он землю с небом, и в души избранников Своих крупницы духа истины посеял.

Связал Он землю с небом, плодоносить заставив души от Божия сего зерна.

Творенья все пускай в минувшем, настоящем и грядущем Его благословляют имя.

В познании и прославлениях имени Его удастся мне с себя низвергнуть время.

Земли народы, будущие поколения, возьмите в толк мои секреты.

Вы время победите, войдя в покой и ликование душ своих. И в этом для меня – блаженная награда, что снизойдет на песнопения мои.

К Творцу стремились люди через лабиринты; одни из них и преступленья совершали, Его взыскаю.

Однако тайны Божия господства намного проще таинств человеческого царства.

Осмелится сказать кто, будто зло есть искажение добра? И кто осмелится рассматривать его случайной остановкой в прямых движениях доброго начала?

Всегда потока русло неподвижно; иная у течения природа. Бытийная обитель предстает пред нами течением вечным и могучим, что быстротой своею увлекает все на пути своем и даже сущее по берегам обеим.

Где ж эти берега, или они повсюду? И есть ли что-нибудь в обители живых, способное противостать стремнине?

В нисшедшем мире сей поток берет начало и возбуждает зло само, пытаясь беззаконье направлять к земной юдоли.

Когда ж добро струится, прерываясь, ослаблено, зло получает власть противодействия ему.

Задача зла одна: тебя оно толкает добровольно извратить-ся в качествах своих – довлеет неустойчивость над ними; однако ты не сможешь исказиться в сущности своей, которая нетленна.

Вот почему напрасно искать другой подход, иное объяснение для бытия начала своего.

Когда есть жизнь – для смерти силы нет, поскольку обе вещи несовместны. И больше не ищи свое начало в ущербных признаках существования.

Как можешь ты, являясь образом Господним, вдруг ока-

заться в области теней и созерцать их?

Не здесь ли кроется все то же преступление, что повторяется извечно в страстях, искусствах наших и в грубых суевериях народных? Зачем мы, уклоняясь, наблюдаем изменчивые знаки и картинки, хотя должны бы воздавать культ образам, первоначал истокам?

В тенета зла попавший человек рождает образ ложного деянья, что в муку обращается его, когда он попытается познать сие и рассмотреть, к воспоминанию прибегнув. Но человек, сроднившийся с добром, приносит добрый плод, который утешение его во все мгновенья жизни скоротечной.

Исследуй обе сущности свои: ты не найдешь в причинах сокровенных иль в смыслах области вещей того, что не открылось бы тебе вполне.

Итак, Господь вложил в зачатки наших свойств развитие их принципа, поскольку Он – начало из начал; и значит, зажечь в себе мы можем свет любой, любую добродетель.

Но как, несчастные безумцы, могли мы мерзостью покрыть свой светоч, и заключить его в такую оболочку? Теперь в печали мы, его не видя.

Уж боле время нет сказать, как некогда Давид: «Господь, кричал Тебе я ночь и день, но Ты меня совсем не слышал».

И двери храма не были открыты; на паперти и сидя на ступенях народ расположился.

Упрятав руки в одеяния свои, люд ожидал зари восход, когда привратники в урочный час всех призовут к молитве.

Но день настал: теперь мы вправе встать у алтаря. Уж боле нам не надобно, пророки, кричать как вы до ломоты в крестцовой кости, чтоб быть услышанными.

Мы рядом с пастырем своим великим: ему хватает взгляда одного, дабы узнать об искренности веры и жертвоприношенья чистоте.

Любовью ваши очи вдохновляет и увлажняет их слезами умиленья! Вот ваша просьба, вот молитва ваша.

И вы услышаны: первосвященник сей пребудет с вами. Исполнившись добром, изыдите в дома.

И всякий день возобновляя просьбы, благословения чрез них вы обретете.

Согрели патриархи поле жизни.

Которое засеяли пророки; колосьям зрелость дал Спаситель наш; и мы способны в мгновение любое собрать обильный урожай.

Но побежден ли враг? Спаситель им не соблазнился ни во

плоти своей, ни в чувствах, ведь сложен был из чистых элементов, идя путем любви, но не греха, которая его подвигла проявиться в телесном мире.

Не соблазнялся Он ни во плоти, ни в чувствах, – от них пришла погибель человеку.

Хоть искушаем был самой причиной плоти: повсюду материя – дорога нестроений и обмана.

Хоть искушаем был в любви и верности в то время, когда Его увел в пустыню дух.

Ведь именно любовь заставила Его обитель славную покинуть и погрузиться в наши бездны.

Престол оставил Он, чтобы смятение воспринять; вот почему не в силах стало избежать Ему удара от влияний ядовитых.

Ведь только Он один, могущества источник, смог передать бы человеку силу с оружием для сокрушения врага.

Когда душа врага повергла в духе, не смеет искушать ее он боле ни оболочкой плоти и ни материею, ей всегда присущей.

Каким оружием Ты победил врага? Какою отповедью Ты запечатлел уста начальнику соблазна?

Писание об этом повествует в трех местах, хотя порой оно вам мнится недостойным вашего рассудка.

Порыву бурному нордического ветра, огням кипучим Этны и постоянству звезд извечного движенья подобной быть должна молитва человека; отдохновенья с перерывом не стоит знать ей вовсе, ведь не подвержена же вечность потоку времени и перемен обычных.

Иакову я стану подражать: не успокоюсь сам до той поры, пока от ангела не получу благословенья. Душа моя томится для Тебя.

Благослови меня земным благословеньем.

Благословением небес благослови меня.

Божественным своим благословеньем.

Благословением святилища Ты освяти меня.

Благослови меня благословеньем силы, премудрости, возвышенной любви.

Прославлю я Господней милости безмерность, могущество Твое и усмирю врагов Твоих!

Мне даст Господь свидетельство завета Своего, и впредь залог сей не оставит уж меня.

И к личности моей приставит Бог надежных стражей: Господни часовые оберегать всё вместе будут – душу, дух и тело.

Вот мое слово к Богу устремилось. К Его престолу воспарив, оно достигло жизненных истоков.

Я ощущаю, как ко мне они нисходят, взыскав все, что им

принадлежит. Они суть жития. И все во мне живое – их собственность и благо.

Заключены в них мир и радости блаженство, что не иссякнут никогда в псалмах и песнопеньях.

Девора, Моисей, Захария, все люди Божии восполнили дела свои, благодареньями Предвечного прославив.

Конец труда ознаменован будет славословием от мірозданья.

Ведь песнопения присущи ангельским пределам. Но может ли об этом знать сонливость нашей жизни?

Израиль, избран был ты от народов на поприще певца земного. Не прекращай же песнопений и не впадай в дремотный сон, земли дурману предаваясь.

О, что сравниться может с предназначением крещеным быть за мертвых, безостановочно смывать в своих страданиях ошибки, совершенные людьми, что совершаются, иль могут совершиться, перенося чудовищные скорби, которые оттуда истекают?

Так иногда бывает с человеком, и чтоб ни сделал он в земной юдоли, его преследуют труды его же: напиток с горечью в нем бродит непрестанно.

И он лишь занят и обеспокоен желанием избавиться от раны большой напасти.

Господь покоя, если между братьев есть те, кто о Тебе не вспоминают по причине этой, не поступай по отношению к ним, как с теми, о которых Ты не вспоминаешь больше.

Не сопрягаются ли ревность о Господнем доме с любовью к человеку? И разве человек не есть предмет труда Господня и любви Его?

Ты обещал Израилю отдать народы с царствами в наследство, но большее Ты этим племенам и царствам даровал, предавшись им.

О Господе развитие всех таинств бесконечно. Ясны и очевидны для Него течения веков.

Он в первом плотном теле доказал материально нам, что Его имя суще на земле.

И в том удостоверил вселенскую активность сил своих: деянья их пространства наполняют и все ступени временные.

Он нас учил: по образу Его должны мы міроздание наполнить всей справедливостью, распространив ее до мест, где Божье правосудие уже установилось.

Вот груз, который нести обязан скорбный человек; он должен даже взгромоздить на плечи ношу своих братьев, которые по слабости в пути остановились.

Нести он должен тяжкий груз веков ухабистой дорогою по терниям, через кустарник колкий, внимания не обращая на дожди, ненастья, зимы, в удел предназначенья своего.

Бездействием своим способен ты гармонию нарушить. Насколько больше ее может уязвить деянье ложное, замешанное на кощунстве!

Не исчезает ничего. И разве не созреет урожай однажды, когда преступность ваша в свет произведет плоды, которые засеиваются втайне вами нынче?

Чтоб не трястись за будущие всходы, необходимо вам в себе ее умерить. Но этому ль способно настоящее служить основой?

На круговую линию взгляните и, рассмотрев ее в духовном плане и не найдя ее нейтральной, ответьте на вопрос: удачна иль чудовищна она?

Познайте, отчего проистекает скорбь пророков и пажити полны великой муки, гнетущей всех существ живых.

Сидящие на тронах лучезарных, ответьте, почему же люди, столь трудностей в воззрениях породили, пытаюсь примирить свои системы?

Вместо того, чтоб обязать всех находиться под игом Божества и признавать единого правителя из сущих, Его ж одним ученым и учителем одним.

Когда прострете надо мною вы карающую руку, чтобы швырнуть меня к стопам своим в подножие престола?

Из точки возвышения подобной я смог бы обозреть разумным оком сокровища всех мирозданий.

Почувствовал бы я в своем обычном сердце настойчиво и остро бессмертную колючку божьей жизни, что направлять должна и освящать все существо мое!

И вам благодаря я прикоснулся бы к подобному единству, которое одно способно примирить всех смертных.

Так зимнею порою свою былую кожу сохраняет змея. Но в силах ли сей коже отвердевшей затем принять в себя влияния весны благие? И как нам кожей новой облачиться, которая проникнулась бы жизнью?

Израниться в кустарнике колючем означает пройти сквозь жгучесть терний густых, совлечь с себя былую оболочку: за ней уж новая проступит, прекрасная и мягкая, как в первые дни юности твоей.

Жестокость вражия подобна решету, где зерние отбор проходит и разделяется. Колючки, что почувствовать придется, болезненно касаясь, станут совлекать моею одежды ветхой облаченья.

Тогда они начертят надо мной союза вечного мистические знаки; и руку заключат мою, а вместе с ней и душу в свидетельство сего завета, который будет закреплён священной печатью.

Естественным рассудком и наблюдением обыкновенным способны ль вы прозреть, познав первоначальное Адама бытие.

Но только возродившись и обновившись в сущности своей, сие нам в силах ощутить.

И в чем же смысл Заветов двух? Иль может, в них речь о том лишь, как соблюсти вторичного существования чистоту?

И все вы, избранные Бога, занявшиеся деланием этим, так мало знаете о бытии Адамовом первоначальном.

Исполниться священные предания должны лишь духом истины, – никак не мудростями падшего рассудка.

О, мир! О, мир! Так почему не стал достойным ты Его, когда открылся Он ученикам еммаусским?

О, сколь чудес Он мог им сообщить, ведь обращаясь к ним, уже преодолел Он смерти состоянье.

Теряет ли из виду мать ребенка своего, когда наказывать приходится дитя за ослушанье ранних лет? Определив ему разумную границу, она лишь отдаляется на несколько шагов,

за ним оттуда наблюдая неусыпно.

Подобным образом и Бог вершит с повинным человеком.

О, если б ведало дитя, что в сердце матери его! Тогда бы никогда оно не испустило порывов крика гневного, которые родительницу сильно огорчают. Ведь ждет она от чада восторга дружбы и раскаянья слезы.

Порою, даже потаенно к тебе друзей хороших шлет она, способных побудить тебя молить о милосердии ее.

Последуй же спасительным советам! Спеши, любезное дитя, уж нет преграды для тебя и расстояния меж нами, ведь снова можем мы обнять друг друга.

Так и Господь надмфный во всем родительнице нежной уподоблен; всегда Он ждет смирения от сердца человека: готов к тебе Он взор Свой обратить и вызволить тебя из плена.

Пусть не осмеливается боле человек именовать Тебя Своим Отцом: он отнял у себя такое право за прегрешения и беззакония свои. Но Ты, Господь, по-прежнему считаешь его за сына Своего: Ты даровал ему прощение с забвением грехов искупленных.

В оставленности дух человеческий произрастает, когда наказан! Взрастает он в ничтожестве, когда уж больше нет достатка *бытия*.

О, если бы любовь повсюду не являлась сопутствующей правосудию! О, если бы обычные цари земные снабдили сами бы Меня необходимым для кары грешников маститых, которых бы заставили низвергнуть богатства и в роскоши

свободу!

Увы, Господь уж мір бросал однажды в бездны, и не желает Он обрушивать его туда за разом раз.

С высот престола Своего Он слышит вопли сынов Израиля в земле Египетской. И вопли эти низводят собственное имя Бога, познать которое, казалось, не в силах были ни Авраам, ни Псаак, ни Паков.

Поскольку беззаконья наши уже обуевают, постольку благодетельный Творец земного бытия спешит направить действенной лекарство нам.

В свидетельство был послан человек: победу истины над ложью утвердить и жизни над небытием.

Но сделавшись пристанищем скорбей, уже не знает он, где дать рассудку своему отдохновение.

Господь сказал: я от рассеянья вновь соберу Израиль. Они же молвили: поделим на колена общество израильтян.

Упала ветка с дерева. И коли подобрал ее безумец, способен ли он, рассмотрев ее, познать природу дерева самого?

Но он ее восставил против дерева и, поразивши ветвь, решил обезобразить и покалечить все плоды.

Так знайте, смертные: насмешники-лжецы окажутся на наковальне и в печи пред тем как в лемехи от плуга превратиться.

Власть времени обтешет камни для грядущего строения. Она предуготовит и металлы для украшения Предвечного храмины, и переплавит их в огромной печи, дабы они очистились от шлака.

Ведь люди, прежде пережившие страданье, приобретают кроткий нрав, что гибкости подобен. Что золото собой напоминает, которое возможно обратить в нить тонкую, не применяя силы mnogой.

Металлы ломкие никак не выдержат такого испытанья.

И что способно отлучить от Бога человека, когда стремится

ся он к Нему и в скорби, и в любви?

Врата любви отверсты, и человек имеет два пути сегодня. А раньше обладал он только именем своим, подобный падшим духам.

Когда от мира он последует любви, избрав своим учителем лишь Бога, предав Ему в дражайшие супруги душу, для будущего царствия он станет безупречен.

Обязан возрастать в первоначальной славе человек, которую стремился умалить. Законы преходящие рассудка пришли к нему на помощь с той поры, как оказался он в падении своем.

Они должны вернуть его на путь безмерный совершенства, что предназначен был ему от самого рожденья. Иль риза милосердия Господня не скрыла рану человека?

Иль снадобьем не обработана она для исцеленья? Но в ране, ризе и лекарстве, какой сокрыт простор исследования слова, утешения человека.

Господь, Господь, и вправду человек не в состоянии с очес Твоих укрыться, поскольку дух Твой и Твоя любовь переполняют землю.

Но в равной степени и Ты от глаз людей не можешь утаться, взыскующих и жаждущих Тебя.

И Человек желания не станет более испытывать доверие Твое в несправедливостях, творимых по отношению к себе подобным.

Так пусть же в наш последний час пребудут с нами лишь наследники прямые, имеющие долю в нашей брэнной ризе. Вот как рачительно распределится наследство наше.

Агенты чистые природы возьмут себе вещественную сущность нашу.

Благие люди же в веках от нас воспримут спасительные токи.

Столетие же память сохранит.

Достанутся избранникам Господним труды, что совершили мы в земной юдоли.

Сановники от нас получают рассудительность и справедливость.

Блистающие ангелы открытия и истины удержат, которые нам удалось постичь своим мышлением.

А почитание законов естества и наша добродетельность для целомудренной жены пребудут.

Дух изопьет от нашего усердия и преданности нашей.

Божественный Спаситель войдет в наследие любви, которое оставим.

А нашу святость увлечет Господь и всех существ Создатель.

Подобным разрешеньем дела ни *татам*, ни *сутягам* ничего не остается.

Но что необходимо предпринять, дабы достичь сей милости? Поддерживать порядок должно совершенный во всех владеньях наших.

До срока нужно будет умолить великого Судью прийти и наложить Свою печать на все, чем обладаем мы.

Дабы почтение и страх, внушаемые Именем великим, изгнали бы всех тех, которые в обитель нашу входят с намереньями злыми.

К терпко-соленым источникам дерево корни низводит, чтоб опреснить их и плод приносящими сделать, почву свою увлажнив.

После побеги пускает в пресной воде утонченной, что производят плоды.

Отпрыски силы, в объятья свои водворите слабые поросли, дабы служить им опорой, словно молодой виноградной лозе.

И в жизненной стремнине раскройте течение до корня человеческого сердца. И смойте все, что обрезанием отсечено железным и может оказаться чужеродным; наполните бесплодные долины водой живой, светящейся алмазом.

Но мог бы я стремиться к вам навстречу? С землею связанный, былинке полевой подобен, не стал бы осужден я, как она, к бесплодной неизбежности зимы?

Иль стоит подождать, пока весна, теплом лаская, не отворит спасительные воды, громоздким ледником застывшие в горах, и не прольет обильно их для утоления зимой иссушенной равнины.

И не впадайте в день, когда пребуду мертвым, в печаль великую, меня вручая скорбной бездне. Сим неизбежно затворите вы потоки, что орошали бы новопреставленного, замкнувши на себя большие воды.

Но снизойдя тогда по *деревам эдемским* до глубочайших недр земли, я устремлюсь потом в воздушное пространство: там чисто и привольно станет мне.

Не буду больше тем, кто обращал врагов в паническое бегство, кто врачевал пороки братьев и подданным повелевал своим.

И обладающим не буду больше я ключами жизни и ключами смерти для отворения архивов, в которых тайны Господа сокрыты и изволения Его.

Подобных множество чудес восставит для меня елей *эдемских древ*. Он – свет и жизнь. В очах моих он все картины воссоздаст истории природной человека.

И даст постичь задачи, которые мне суждено исполнить, домостроительству содействуя Господню.

О, истина, пусть лучше люди подальше пребывают от тебя! Сколь можешь ты терпеть их заблуждения, невежество, преступность?

Им неизвестно даже прав политических, земных происхожденье; законам не спешат они повиноваться, которые за справедливость почитают, лишь только голоса на выборах получают.

Не то же ли ребенку объяснять семейные законы, что смертному законодателем являться? Иль, может, существует в природе человека вместилище закона, которое его намного превосходит, не будучи его твореньем?

О, как желал бы человек исполниться столь совершенной силой, когда бы обладал в политике бессмертьем, неодолимым счастьем, защитой от недуга всякого, прибежищем от нестроений разных!

Безумство смертных: природа ваша зыбкая и темная юдоль, где довелось вам пребывать, всегда сопротивляться будут вашим упованиям.

И вашу осмотрительность минуя, Проввденье не прекратит у вас ни нужды, ни опасности из страха, что бренный мир сочтете вы обителью отдохновенья.

Оно вас любит очень, а посему не в силах возможности лишить вас умолять Его, о помощи взыскаю.

И поразмыслите потом над применением ущербного закона, который вы себе творите. Исследуйте означенное право, его вооружив жестокостью, несправедливостью, злобой, ведомыми коварством, алчностью иль мстостью.

О, сколь чудовищно тяжелый груз отобразят тогда весы людской идеи! И как же не сосредоточить на их другом конце груз противоположный, который бы служил противовесом?

Не правда ли, что всякий зрелый ум придет к необходимости подобного деянья?

Но коль рассудок твой к пытливости не склонен, увидит он весов две чаши на уровне одном: подходом этим отличались Манихеи. Когда ж за истиною ум твой поспешает, тогда быстрее постигнет, какой из грузов должен перевесить.

За этим он узрит Предвечного десницу, что может равновесье удержать весов иль попустить склоняться им по сторонам обеим. В деснице сей и заключен источник верный власти, общественных законов.

Потом увидит, как возвышенная сила, весы установив, оставила свободное движение обеим чашам их. Кто истины сии уразумеет, пока самостоятельно не сможет проникнуть в средоточье мысли человека?

О, человек! Доколе ты пребудешь согбенным под тяжестью презренья своего и выводов поспешных?

Когда твоя душа познает скорби того, кто человеком изволения (*l'homme de desir*) зовется, и в силах будет осудить своих иллюзий жуткую беспечность?

Вы говорите, – этим строите дома! Вы говорите – собираются войска и сокрушают ваших супостатов!

Вы говорите, – науки, знания передаются в сознание тех, кто слушает, внимая вам!

Вы говорите, – и язвы со скорбями проходят у больных и страсти утихают, освобождая в сердце человека обитель для света истины!

Вы говорите, – возникают брачные союзы; вы доверяете затем своим потомкам права и почести, что ждут они от вас.

В себе содержит ваше слово движенья мощь необходимости верховной; и все работы, что производит во вселенной человек, являются и могут быть плодом лишь слова вашего.

Иного нет закона для земной юдоли. Когда бы слово не несло в себе деянья, то как бы мироздание смогло благодаря ему образоваться? Когда бы слово не несло в себе деянья, то как бы человек смог ощутить свое высокое предназначенье?

И какова загадка: то же слово приносит человеку утешенье в бездне, где он пребывает, и помогает выбраться оттуда. С тех пор как существует человек, над ним властвует слово, – оно лишь изменяет свой язык и способы произношенья.

О, смертные, поскольку не можете вы верить слову, удерживающему все, вы вынуждены верить слову, все сотворив-

шему.

Так знайте: нужно в девятиерицы оболочку мысленно про-
никнуть, чтобы прочесть его происхождение.

Могло ли слово уничтожиться, от этого числа однажды от-
делившись? Теряло ли названия свои? И вы бы не утратили
своих именований, когда бы погрузились в бездну?

Но словоечно, ибо жизнь оно. Взыскайте жизни, — ощу-
тите вы его, и вы его вкусите, удостоверившись, оно — в са-
мом себе.

И коль сумеете почувствовать вы жизнь, уж более не ста-
нете себе творить отчета, что слово есть, поняв единое без
всяких вопрошений: оно — утеха для души, для духа вашего
— простая аксиома.

Почувствуете вы, что жизнь и слово являют лишь себя са-
мих: другими быть они не могут. Но разве известные вам ак-
сиомы могут уничтожиться, иль исказиться? Не кажется ли
вам, что вечные они?

Хотя они суть следствия единой высшей аксиомы; посиль-
но же бывает рассудку вашему измерить справедливость и
сердцу жизнь вкусить.

О, разум человеческий, зловещее орудье, которое нас вво-
дит в заблужденье; ты дан нам, чтобы нас приблизить к жиз-
ни, но скольким послужил ты для удаления от нее!

Ты сделался погибелью среди долин плодоносящих: по
ним идти необходимо правильной дорогой, чтобы случайно
в бездну не упасть.

МОЛИТЕ ГОСПОДА! Но разве можно Его просить о милостях и дарованьях, пред этим не очистившись нисколько, не сделав добродетельною душу? Что значило бы нам Ему продаться.

Кому же из властителей земных предоставляется служение и должность? Тем, кто, казалось бы, в усердии, в трудах способен к ним.

Считайте это никак ни повелением небес, ни воздаяньем по заслугам, а лишь плодом духовного соизволения.

Собратья, когда б не ведал человек значенья своего, увидели бы вы, сколь сумрачна житийная дорога для тех, кто не пытается подняться больше к свету!

Мы не найдем себе отдохновенья, пока стези Господни не исправим и не украсим улицы Иерусалима цветами и ветвями пальм.

С каких вершин заоблачных пределов низверглось наше существо? Но имя Господа его сопровождало.

И сколько времени еще необходимо, чтобы сие священное зерно нас вознесло к могуществам своим!

Грядите истины путем, пусть враг и станет искушать вас, вводя в уныние вначале, затем манящим призраком успехов ваших и блеском жизни, *который вы воспримите за жизнь саму.*

И если даже нечистый может образ человеческий принять, не в силах он взять сущность образа людского.

Напротив, чистый гений сумеет обладать и внешностью, и сущностью людской, держась всегда животворящего удела, поскольку он приходит дать нам жизнь.

Припомните Азарию с товарищами в печи; Спасителя представьте до и после Воскресенья, и в Вознесения Его день устремитесь, узнаете тогда вы три ступени человека изволения (*l'homme de desir*).

Вострепещи же, слабый человек, спеша дорогой тления и смерти, и встань на страже, дабы не утратить духовного чутья. И помни: враг лукавый знает только то, что открывается ему.

Когда Спаситель находился в духе, смятение в Его душе пытался враг посеять, осмелившись заговорить с Ним и искушать Его.

Когда же благодать Господня характер Богочеловека воспитала в те самых сорок дней молитвы непрестанной, и ангелы с небес сошли, чтобы Ему служить, не признавал Его лукавый на земле уже посредством душ людских, в которых водворил свою тлетворную обитель.

Но лишь благодаря душе осознается Божество: она – посредник подлинный во всем; и без нее лукавого нечестье располагалось бы весьма далёко от Божества невыразимого.

И по причине этой ее к безмолвию приговорил Спаситель, чтоб святость не была осквернена нечистыми устами.

Когда в душе возникла рана, ее просветит луч: его частица каждая в своей пропорции причастна жизни.

Но отделяясь от любви, впадает человек во тьму и преступление. Но Ты, Предвечный, наградив Своей любовью и средствами с Тобой соединяться человека, сумел его освободить, Своей возвышенности вовсе не нарушив.

Не для того ль земное время установлено премудро, чтобы убить в нас солитёра, который пищу пожирает нашу?

Потомки человеков, зачем вы трудитесь усердно, как будто отстранившись от дела главного, оставивши его?

Без *соли* внешние агенты смогли б разрушить ваше тело; без *масла* соль разъела б вас: так эти вещи служат вам покровом, который вас предохраняет.

И не являет ли собою юность суждений прямоту и чувство справедливости живое?

Когда младое нежное растение было возделано прекрасно, то разве его не станет юность расцветом добродетелей подобных?

И зрелый возраст разве не произведет обширных и глубоких знаний, а старость – снисхожденья и любви?

Увы, в каком порядке окажется последование это, какой накопит опыт человек, когда впустую время он потратил?

Ведь было время для него дорогой праздной; теперь же

остаётся у него путь в терниях или безвременья стезя.

Так пробудись от сна, который завершится, когда в могилу обратится твоя сущность. И к свету устремись, и бодрым будь в превратностях, тебя вдруг одолевших.

Есть время для скорбей. Но запалив однажды пламя духа, не стоит больше помыслами грезить, а нужно поддерживать огонь сей.

Ведь принцип бренной жизни прост как детство человека. Духовной жизни принцип прост как истина.

Чтобы познать и ощутить божественной блаженство жизни, необходимо над временем восхититься.

Когда ж свой дух ты к Богу возвышаешь, следи за тем, чтоб твое сердце не оставалось на земле.

Когда возносишь сердце в небеса ты, старайся, чтоб оно туда летело на крыльях духа твоего.

И этим способом стяжаешь сразу в себе сокровища любви и света.

Воспримешь ты определенную идею великой Сущности, которая вознесена над временем: Она имеет совечные Себе божественные свойства, творящие и существующие только в святом возвышенном единстве.

Не с этой же ли целью я на земле, чтобы искать сближенья с Богом? Я поклянусь торжественно, что эта цель неизгладимой будет и в моем сердце, и в рассудке.

Придите, чистые служители Господни, в свидетели завета непреложного, который я хочу составить с моим Богом.

И пусть могущества, исшедшие от Бога соберутся, воспламенившись ревностью и славой, и обратят свой слух к словам моим.

Я связываю сердцем, духом, намереньем в завете вечном Бога моего с людским потомством.

К подножью вашему кладу все существо свое с любовью, подобно древним христианам, приносившим к ногам апостолов все ценности свои.

Во имя вездесущности Господней, себя я посвящаю жить, мыслить, умереть для Бога Моего.

Позвольте каждый день мне обновлять присягу истинную эту.

И если даже окажусь я недостойным и несчастным, ее забыв, восстаньте на меня и ополчитесь свидетельством.

И принудите вы меня платить хвалебной данью, которую я задолжал Владыке Своему.

И Ты, предвечное животворящее Начало всего, что существует, на страже стой присяги, данной мной, и будь ей глав-

ную опорой и поддержкой.

Враждебные народы к Твоей славе воззрели на моление мое. И если Ты ему не внемлешь, они рассудят, будто ты – Господь, к которому напрасно с мольбою обращаться, и так восторжествуют.

Но лишь один триумф оставлен на земле для миротворца. Он – в вящей радости основываться в Боге, быть направляемым Его десницей.

И только Дух Святой людей сим счастьем наделяет, поскольку Сам вселенское движение приемлет.

Ведь Он – основа и могущество одновременно: они ж собою являют четверицу.

И без Него ничто не в силах познать предел и полноту.

Ведь Он связует Слово с твореньем шестидневным Бога и помогает беззаконие выявлять под внешностью благочестивой.

Он – крайний ток божественного мира, соприкасающийся с первым током жизни человека.

ПОМЕДЛИ, ГОСПОДИ Всевышний... и дай мне время припасть к Твоим стопам и, к милостям Твоим себя подготовив, стать более достойным их.

К подножию Предвечного пришел я приклониться; благоговей в безмолвии, душа моя...

Не захотев предать меня на самобичевание, Господь меня взыскал, и Он меня настиг.

Явился предо мной людей божественный Спаситель, протершись сам к подножию Мудрости верховной.

Отбросил славу Он, от собственного Божества оставив лишь средоточие неудержимое Своей любви.

И бремя правосудия облегчил, что вызревало на судилище ужасном Всевышнего и угрожало человеку падшему.

Оно возмездия бросало взоры над бездной времени, уж изготовившись вселенную обрушить.

Но героический и славный Искупитель, как будто сотворил огромный океан любви и милосердия, откуда потоки жизни истекали, неся свои спасительные воды.

Объем их превзошел всю тяжесть правосудия Господня, и уподобились они сияниям бесчисленных огней небесных, которые изглаживают мглу планеты нашей темной.

Усилием совлек Он груз с весов, заставив их склониться в пользу несчастного потомства человеков.

Его я ощущал влиянье Божества, Его дыханьем проникалась моя сущность, испепеляя скверны все огнем и будто растворяя их в живительном потоке возрожденья.

Вот так, Господь верховный, относишься Ты к хрупкому творенью Своему! Ты щедро наделяешь милостью его, коль даже ничего не сделал он, чтоб заслужить ее.

Я на ноги поднялся и теперь уже не буду прежним человеком.

Все путы, до сих пор меня сжимавшие и голову клонившие к земле, разорвались.

И искушенья, отравлявшие меня, исчезли; журчащие источники привольно изошли из сердца моего.

В своем течении неслись они, преграды не встречая, к пределам мірозданья, дабы созерцать порядок и законы Архитектора Вселенной.

И к бездне, дабы там увидеть правосудие Его, к Его обители священной и моему первоначальному жилищу, дабы покой там обрести от человеческих сует.

Ступайте по стезе пророков и дух пророков встретите однажды. Иль ведали они о холодности вод? Они лишь знали милосердья муку.

Душа их, несомненно, не была свободной столь же, чтоб воспевать о радостях Господних.

И как их воспевать, когда твоя душа в печали, оплакивая беззаконья братьев?

Они Тебя хвалили, мой Господь, народам возвещая, что те изгнанниками стали и рабами, когда от Бога отделились.

И песнопений радости они не исполняли не из-за собственных проступков и грехов, тому препятствовавших: они стонали об ином.

От лона материнского Твой дух заботился о них; и в поколениях своих они, подобно Ною, являлись чистыми. И целомудренными были, как Твой дражайший Провозвестник.

Вот почему Ты их избрал народам во спасенье для проповеди слова Твоего.

Но мы собой являем только беззаконье. Какие ж песнопения нам исполнять пристало? И радости псалмами станут ли они? Ведь слишком далеки мы от святого града.

Когда бы лиры мы имели, повесили бы их на ивы плачущие: так сделали Евреи, скорбя на реках Вавилонских.

Блажен, кто не соприкасался с пределом смерти и небы-

тия, кто зимний холод остается встречать с любовью в сердце!

Он может уповать на возрождение весной!

Блажен, кто, прежде чем предаться картинам искусительным ума, пытается изгнать из сердца любые малодушие и слабость!

Познает вскоре он верны ли они, спасительны или пагубны, поскольку осторожно отдалится от этих обольстителей лукавых.

Тогда оборонится он от бездны мерзости прохладной, от мерзости, уделом предстоящей робких и ленивых.

Так пусть же пламя ревности снесает нас, тогда произнесем во глубине сердечной: без Бога Нашего не существуем мы.

Он постоянно просит соответствовать вас истине завета.

И обращается Он к вам: подобно Господь к Исаее обращался; Он отверзает слух ваш каждым утром, Он научает как наставник вас.

Оставьте механические средства, что были собраны среди осколков знаний людьми, чья любознательность затмила мудрость.

Неосмотрительные люди эти *могуществом* решили обладать, и вещь они нашли иную, но не *корень*.

Своим избранникам Господь Един о средствах сообщает, которые в Его труде необходимы.

И как бы вы смогли себя снабдить рассудком, который бы искусственным являлся, все идола – произведения ваших рук?

Оставьте кротко действовать над вами Того, Кто вас взыскует; Кто о Себе вещает вам в подобии природном и повторении деяний чистых и благих.

И кто, кроме Него, достигнуть может высшей цели по возрождению человека? С Ним несравнимо всякое творение вселенной. С Ним несравнимо даже истечение всех мыслящих существ.

Ведь чтобы сотворить все эти чудеса, достаточным явилось развитие Премудрости могуществ, которое есть истин-

ный закон, всегда присущий Ей.

И чтобы человека возродить, всех средоточье сил необходимым стало, уничтожение и устранение в Себе Самой Премудрости на время.

Необходимым стало и Ее уподобление безмолвия пределу и небытия, чтоб не был он ни ослеплен, ни поколеблен Ее присутствием.

О, лицемерный человек, умерь свое шумливое движение, не отводи своей руки от Духа, который возжелал тебя приять.

Он просит лишь тебя остановиться, поскольку суета твоя претит Ему.

Но где же место действия для Духа, ведь все полно бурлением людским?

Где Тот, кто дуновением Духа возродился? Где Тот, Кто пронизал, рассеял все оболочки бренные, в какие облачился.

И не был ли подобен Он ягненку в лесу забытому меж хищных тварей?

Как некогда в огромный океан мир превратится разом, и как корабль единственный окажется в пустыне водной, где непрестанно будут бури ополчаться на него и волнами терзать.

Таким среди людей и будет праведник, который возродится дуновением Духа.

И устраненье Господа и Духа на мгновение одно, начало жизненное наше смерти доставляет: смертельный паралич тогда его объемлет, что отличит разумный наблюдатель.

Оставили для мысли мы своей, как будто бы напасть и рану нарочито, об этом заключать, и кажемся теперь для обывателей людьми несносными.

О собственных грехах я объявлю мфам.

И пусть вселенная меня сполна очистит, когда бы смешан был со всей ее землей и всеми водами ее омыт, иссушен был бы весь ее огнями.

И пусть же всё, что образует мірозданье, услышит вопль моих скорбей. Отдохновения себе я не позволю, пока им не наполню целый свет, звучать заставив мной; достигнет крик затем обитель жизни.

Не это ль беззакония мои, обрушившие на меня мой вопль печальный? И должен ли сносить всю тяжесть их, едва поднимаясь от согбенья, пока заря не просияет сквозь руины эти и не воспрянет для меня свобода?

Так плачьте же со мной могущества природы и будьте песней заунывной погребенья человека.

Утратил силу он, и дни его угасли, но вы обязаны ему изрыть могилу и там его похоронить.

Ваш пламенник в нее спешите ниспровергнуть.

Ее не укрывайте вы цветами, уподобляя могиле юношей и дев, в невинности почивших.

Он в преступлении скончался. По членам его смрад распространился. Его вы быстро погребите в земле глубокой, из опасенья, чтобы он пределов ваших не разрушил.

Отныне кто меня осмелится низвергнуть? Господень знак на мне запечатлен. Им восстановлен мой завет с Божественной Первопричиной. Меня он побуждает причастным быть Его теплу, Его предвечному *присутствию во всем*.

Попрал ногами я иллюзии пространство, вкусила действия душа моя и ощутила в себе самой от Господа происхождение.

О, смертные, от Господа свое рождение вы бы знали, почувствовав в себе все то, что повторялось от вещей начала, когда имели бы простое дерзновение к истоку жизни возноситься.

Ведь принцип жизни созидает вас всегда, пусть даже вы не видите того. Творил бы одинаково он вас, когда свои внимание и взгляды на нем сосредоточили бы вы?

«Что за туманная премудрость? Ты для Меня подобен пisku насекомых в тюремной камере, что мнят провозгласить свободу мудрецам, хотя вопрос сей должно разрешать в совете королевском.

С невежеством, ничтожеством своим сравнить осмелился ты славу и величие престолов. Поскольку слава эта в твоей юдоли не сияет, ты вознамерился презреть ее существование.

Скажу о чарах, что прельщают постоянно род людской: напрасно Мне приносите вы в жертву свои утехи, пытаетесь

уподобить их тому, что испытаю Я».

Мой Бог намного более, чем вы; Господь мой – всё. Где обрету иное существо, что столь же милостиво было бы, как и мой Бог?

Неверию скажу: посмеешь ли ты в разуме моем установить свое господство за счет Того, Кого я чувствую в душе?

Как можно поносить единственный источник жизни животворный? И разве, отрицая это Существо, не станете использовать вы голос, слово, которыми Оно Само же одарило нас?

И отрицать Его, не значит ли доказывать Его?

Материи скажу: довольно искушать мои глаза обманчивой реальности картиной. Ты, действуя упрямей, все больше разделяешься, пока подобным разделением не приведешь себя в небытие.

Но дух, наоборот, сильнее поднимаясь, возрастая, все больше упрощается: предел его не знает ни разницы, ни разделения.

Чистейшая, божественная радость, не стань во мне отнюдь бесплодной. Ты слишком полна, дабы мне вместить тебя; однако я желаю, чтобы все сущее свидетелем твоим являлось.

И уподобившись священной лире, которую избрал Предвечный от времени для песнопений дивных, я воспою присутствие Господне и славу Господа в Его премудрости невыразимой.

Предуготовят их аккорды небеса, вселенная возвеселится:
человек в согласии соединился с Богом; и бездна затрепещет
от бессилья поколебать гармонию сию.

Блаженны души, что пред истиной смирились: они миролюбиво переносят несуетность спасительной росы!

Надеешься ли рану исцелить ты нетерпением? И разве, слишком рано сняв с нее повязку, не сделаешь ее больней намного? Страдай, молись и ожидай!

Взгляни, как далеко от нас сияют звезды, а трон Предвечного и вовсе в стороне от этих сфер; ты в числах выразишь едва ли путь к Его престолу.

Но там рождаются живительные воды, которые одни способны напитать твоё жилище бренное земное. Изысканы они там, чисты, непостижимы для восприятия и мысли человека.

Оттуда падая, они нисколько не теряют их животворных качеств, но уплотняются, свыкаясь с нашим естеством.

И так прозрачна последняя ступень их уплотнения, что глаз людской не выдержал бы блеска, не обретя ни зрелости, ни силы.

Лишенный этого живого и творящего эфира, ребенку в чреве матери подобен, который воздух естества не знает, инертными имея качества свои.

Се жизнь, всё пронизавшая. Следите за своей душой, чтобы она вдыхала жизнь и ею проникалась. За ней следите, чтоб в общение вошла с первоначальной своею атмосферой и отношения бы с ней установила, которые вовек не прекра-

тятся, пусть день сменяется и жизнь телесная проходит, а за приливом следует отлив в природе.

Нет, смертные, нет, баловни творенья, не прекратится это вовсе для вас. Но, может, еще будут остановки на том пути?

Однако, познав небесных радостей сполна, способны ль вы опять ниспасть в болотную трясину смерти?

Иль можете вы оказаться вновь добычей вечного клеветника, который навевает непрестанно всем намерения возможностей превыше, дабы покрыть людей позором и стыдом?

Великая Премудрость, порой Ты воздвигаешь человека своей десницей мощной, его подъемлешь Ты к пределам горним и погружаешь в бездну.

Его Ты заставляешь ощутить хлад ледяной от северных широт и южный зной невыносимый, дабы он знал, что Ты – Господь единый, дабы не возносился он и не впадал в уныние.

Надежда и смирение – вот составные части, из которых желаешь Ты создать в нем божье милосердие, ведь добродетель эта единой почестью перед Тобой предстанет, чтобы быть принятым ему в обитель мира, радости, любви.

Как будто бы моя особая тут радость утвердилась, когда усердие о Доме Господа меня снедало. И радость утвердилась воистину: с тех пор я плачу и собой являю того, кто словно бы для мертвых был крещен.

Кто помешает мне теперь нести до гроба утешенья идею, которую Господь меня сподобил?

Увы! Душа людская – это решето, которая в содействии добра должна препятствовать просеиванию зла. Она разрушила свои стези и послужила лишь решетом для зла, мешая через себя просеяться добру.

И вновь необходимо ей заслоном стать для зла, чтобы добро смогло сквозь это решето пройти в чистейшем виде.

Какая скорбь способна сравниться может с моей тоскою! Высокомерные в коварстве властители земные, все беззакония лихие ваши покажутся ничтожеством, приблизившись к моей печали.

Напрасно вы взметнули от земли змею, которая желает своей мертвящей хваткой впиться в мое сердце.

Напрасно ослабляли вы меня, когда змея уничтожала всякий день часть моей жизни, собой охватывая все пространство от сердца моего и до могилы.

Напрасно с ней связали вы счет дней моих: его поправь полное меня удостоверит прахом.

Любовь, какую вновь я ощущаю к душе людской, меня избавила от беззаконий, которые вы причинили мне.

Ведь к Богу приближаясь, переполняюсь я любовью к вам, прося Его простить несправедливости, что вы творите.

И впредь не отдаюсь от радости Господней я, от радости, что в слёзах возрастает, которой ведома лишь ревность о Доме Божиим.

Он действовал со мной как ревностный учитель, заботливо внушив мне страх перед Собой, чтобы кроме Него я не любил иного.

То утешал меня Он, когда испытывал я нравственные муки, то насылал мне их, которые мог только Сам утешить.

Чтобы чрез это меня заставить обращаться лишь к одному Ему, предавшись в Его руки. Ведь мог бы Господа покинуть я, и мог бы предпочесть иную вещь, а не Его, и мог бы опереться на могущество иное, но не на силу Бога моего!

Могуч и праведен один лишь Он, и правосудие ему вершить пристало среди судилищ человеческих.

Иакова звезда, непобедимый в испытаниях Лев из Иудина колена.

Являлся Он могуществом и светом; и Он обрел в Себе, чем противостоять врагам Своим.

Он жизнь самую мог даровать бы тем, которые Его предали смерти.

И лишь один Он может утолить того, кто жаждет, и предоставить кротость изволения ему и исцелить его от вынужден-

ной скорби.

Поскольку воды из этого чистейшего ключа неиссякаемы, несут в себе они соль мудрости для пробужденья непрестанного желанья со вкусом истинного человека.

Остерегайся, бранный человек, творить молитву нерадиво, желая все достигнуть без труда. Чем действие разнится от молитвы, и какова молитва, что действие влечет, сливаясь с ним?

Земного бытия наставник-ангел правит человеком, достойные и чистые деяния внушая. Он им руководит, его он бдит и охраняет, наставником и стражем смертному являясь.

О памяти и разумении своем для жизни в должном мире позаботься. И в этом состоят твоя задача и деланье твое.

Здесь человек не есть еще в юдоли освященной, где предстоит ему лишь радость и опасности забвенья.

Где сможет он дивиться непрестанно и не иметь нужды припоминанья: все для него непреходящим и присутствующим обратится.

Сужденье станет для него не нужным, ведь ничего там смутного не будет, и разум непрерывно примется все постигать.

А здесь подобен человек Евреям в рабстве, из коего они, освободившись, свой хлеб искали посреди превратностей войны.

Название хлеба и войны название, не однокоренное ли происхождение имеют у Евреев?

Тут человек в законе детства пребывает и управляет им

ребячества наивность, что увлекает долу даже разум и качества любые зрелых смертных.

Здесь человек в законности ущербоной, поскольку все низвергнется, небытию предавшись, тогда как все должно расти и возвышаться в обитель света животворную.

Уничтожает, растворяет время, прообразуя на тебе уж трещины, расселины строенья, уже начавшего шататься в основаниях своих.

Раскроешь ты зари рождающейся сумерки густые и, уподобившись посланникам Навина Иисуса, ты сможешь рассказать своим собратьям о чудесах земли обетованной.

Измерь пространство и продолжительность упадка вящего законов на земле. И сопоставь: *четырнацать* и *пять* с *семьюдесятью*, а *пять* и *девять* с цифрой *сорок пять*.

Все истечения форм отсюда: конец их и пределы имеют свойство пятерицы. И древо ли не познается по плоду своему? Исследуйте лист виноградный.

Вас удручают, смертные, превратности и беззаконья мира. Болезни вас в уныние ввергают, крушат невзгоды и утомляют политические страсти, а бедствия стихии ледяной внушают ужас вам.

Сосредоточьте вашу мысль на бедах подлинных, что вас одолевают: тогда под силу все перенести вам, и все несчастья, названные выше, уж боле не затронут вас.

Что значит легкое недомоганье в глазах терзаемого страшной мукой, который ощущает бич страданий неотступных.

Без друга вашего, что ангелом зовется, не стоит делать даже шаг один; пребудьте же в руке его, подобно детям, которых он ведет: пусть сами не идут они, но движет ими его сила.

Когда бы рассудительности ради не отвергали бы его содействий вы, то не нуждались бы в мольбе к нему, имея лишь одну заботу – его любить, им восхищаться.

Ведь исполняет он обязанности все, которыми же сам вас наделяет, и чувствуете вы, что это он и был, молившийся за вас и в вас.

Но, смертные, напрасно счастье вас взыскует, – обходитесь вы с ним как с собственным врагом, заботясь лишь о том, чтобы оно никак бы к вам не прикоснулось.

Моя душа поднялась на вершину горы Сион. Как я хотел бы сделать вечным здесь пребывание свое! Отсюда моя душа черпает воды в их источнике первоначальном. Отсюда ее животворит чистейший воздух.

Я обозрел в мгновенье ока действенный огонь, что разошелся в стороны далёко.

Подобно этому, огонь божественный объемлет все пределы сущности моей; сосудом и проводником моя душа ему послужит, чтобы его распространить до граней всех миров.

Преподан знак и искра засияла, превосходящая все пламенники тленья; огонь небесный больше не угаснет в моих жилах.

И дни моих скорбей запечатленных уже не обратятся в пору радости и ликования!

И будет ли дано им время, эпохи обозреть, чтобы Предвечному мне принести обеты?

Житье мое всецело будет посвященным решению единственной задачи – раскрытию сокровищ, что в человеческой душе таятся.

И разве солнце может прекратить свой бег по кругу во вселенной? Нельзя ли излучаемый огонь его усилить, отдохновенье запретив светилу?

Предвечный право за Собой оставил сущности творить.

Он дал природе силу порождать лишь формы и их тени.

А человеку дал Он власть творить по вере добродетель, ведь возжелал Предвечный, чтоб всякое Его произведение творцом бы маленьким являлось.

Самим своим твореньям предоставил свободу действия в пределах их по образу, подобию Его.

О, люди, если человек не покоряется бессмысленным занятиям вашим, не верите ему вы, сколь он ни старайся.

Уразумейте же: чем больше человека возносят вверх, тем больше он стремится отвесть наслаждений и дел своих исполнить.

Не потому ли вы бездельники в глазах своих детей, что позабыть смогли их лет забавы?

Могу ли быть бесчувственным к превратностям великим, что окружают человека, когда он остается без поддержки? И как его не пожалеть, когда он оказался жертвой?

Бесчисленны дороги заблуждений; исполнен путь глубоких истин высокой безнадежности преградой.

Идя обычным человеческим путем, чем удивляться, если не природой и разумом существ; все эти бездны постоянно рядом с нашей мыслью и, кажется, готовы поглотить ее.

Идя обычным человеческим путем, чем удивляться, если не Небес пространством, великим в совокупности своей: история его столь мало доступна пониманию человека!

Глаза его темнеют, когда однажды смертный пытается взглянуть в эти бездны, и голова готова закружиться.

И если бы, возвышенный Господь, не стало достоверностью, что мы хотели обмануть Тебя, то человек несведущий сказать бы мог с Иеремией невозбранно:

«Ты влек меня, Господи, – и я увлечен; Ты сильнее меня – и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною» (Книга пророка Иеремии, Глава 20, стих 7).

Когда я был один бы на земле, не смог бы удержаться на стезе, которая меня вела бы к духовному успокоению. И яростно набросился тогда бы на истинную пищу моей мысли, сердца моего.

И я б не отпускал своей добычи, пока бы не насытился вполне, пока бы не почувствовал, как появились во мне живительные токи, всегда готовые мне сущность сообщать мою же.

И если бы я смог оплакивать свою утрату до иссушенья мозга своего, и если бы я смог усилием, слезами достичь того, чтобы не покидать Иерусалима,

Способен был бы я предать забвенью братьев тех, которых увели в цепях под стены Вавилона?

Способен был бы потупить очи долу и позабыть о тех, кто там все дни томится? Способен был бы мыслить лишь о своих скорбях, взирая на невзгоды, постигшие моих собратьев?

«Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (Псалтирь, Псалом 137, стих 5, 6).

Гневливый человек с собой уносит дух мести и злопамятства, его душа уходит, закваской этой пропитавшись. Тогда раздастся глас, пусть никого не видно, который повторяет непрестанно:

«Ты должен брату твоему прощать не семь, но семьжды семьдесят раз».

Свой приговор несчастный слышит в этих словесах. Они становятся его мученьем, но если бы он следовал им в жизни, утешеньем они его могли б явиться.

И разве есть ошибка в том, что Весть Благая по всей земле должна быть проповедана? На все открытия взгляните, что мореплаватели сделали для нас. И мореплавателей нет великих боле, чем христианские народы.

И не было нам сказано, что Весть Благая распространится повсеместно. Но было сказано, что проповедь ее произойдет повсюду.

И что противоречит предупреждению сему? Быть может, беззаконья тех, кто слово нес по странам новым, и заблуждения, которые посеяли они там?

Но было сказано, что проповедь произойдет, и больше нечего к тому добавить.

И не могли понять они язык! Но все, кто пред открытиями этими усоп! Но страны, какие не были еще открыты!

Сам Ангел в завершении времен прочесть обязан Весть Благую перед собравшимися племенами!

О, смертные безумные, нуждаетесь ли вы во всех свидетельствах для веры в исполнение пророчества сего, дабы услышать, что оно вам непрестанно себя являет гласом внутренним?

И если там услышите иной вы голос, не обозначите его ль фальшивым и вторичным, пришедшим для гармонии расстройством?

Ну что ж, в час расставанья с этим миром вам будет непрерывно повторяться: *семижды семьдесят, семижды семьдесят, семижды семдесят.*

Благая Весть вам будет проповедана в могиле, и в третий раз Она предстанет в конце времен.

Дабы народы осознали, что милосердие с любовью есть принцип изначальный наш, и должен он укорениться в основе нашей неизменно.

О, человек, не создавай же впредь движения великого из-за мотивов мелких, что ты творишь успешно всеми днями.

Стыдись, наоборот, когда приемлешь веские мотивы, но отвечаешь ты на них движеньем мелким!

Платил ли ты когда-нибудь дань Духу? И если не платил, то на какую цену рассчитываешь ты?

Когда свет мудрости пред человеком начинает возгораться, он должен испытание пройти. Обязан дань он заплатить. Отсюда зависеть может весь остаток его жизни.

И всякий день ты должен Духу дань платить. От этого зависит итог, отдохновение твое от дел дневных.

Как ревностный воитель, будь верен слову дня и распорядку дня. Платил ли дань ты разуму? И покорил ли ты хотя бы несколько врагов, себе в подножие их бросив?

«Сын человеческий, утешь Меня – так говорит Господь – от беззаконий, что Я воспринял от тебе подобных.

Избрал Я душу их в отдохновение и не нашел там ничего, кроме заразы трупной, но праведника душу нахожу, чтобы обитель мира в ней восставить!»

Увы, коль человек следить не в силах за души своей желаньем и за молитвой даже, способен он лишь увеличить несчастье свое: хотенья человека властны и, силою своей заворожив, они заставить могут себя восхитить.

Является молитва верной дочерью любви. Она – соль знания; она же побуждает пускать ростки его у человека в сердце, как будто бы в своей природной почве.

Она страдания переводит в наслажденья.

Ведь дочь любви она: любовь необходима для молитвы, и нужно быть возвышенным и целомудрие хранить, чтобы любить.

Господни люди, возьмите молот и резец, спуститесь в мое сердце. Разбейте там все угловатости его, отшлифовав изящно как восточный мрамор.

Запечатлейте в нем бессмертные слова: *«Пред правосудием Господним да будет страх и трепет»*.

Пусть выражение это станет вечно пребывать пред оком странника. Он остановится у изваяния сего.

Потом, продолжив путь свой, он скажет в своем сердце: «Вот добрые слова; они напоминают страх Господень и уважение пред нашим Богом».

Глагол Господень мирозданье сотворил. И точно так же мое слово творит, вокруг меня осуществляя деянья моей мысли.

Глагол Господень отделил от скверны чистоту и свет от тьмы. Он вечно жив и всемогущ. Он может непрестанно повторять в нас все Свои деянья.

И стоит только прислушаться к Нему, как нас наполнит и охватит свет. И радости елей прольется в сердце человека.

Поднимет смертный голову свою; глаза его, огнем духовным загоревшись, везде отпечатлеют уважение и страх Господень.

О, сердце человека, стремись, однажды ужаснувшись бренности дороги, к пределам света, приближаясь своим движением к тому, кто там свою обитель полагает.

И только через сердце человека, господство в нем установив, способна истина для мира проявляться.

Не она ли, прежде словами собственными покоряя землю, могла господствовать на ней?

И не она ли посредством уст Амоса возвещала, что Бог не стал бы делать ничего в подлунном мире, когда б заранее секрет Свой не раскрыл пророкам и служителям Своим?

Не она ли устами Соломона говорила, что смертного душа – светильник Божий?

И не она ли свидетельство передала устами Павла, что сущие на небесах Начала и Господства Господнюю Премудрость через церковь знают?

О, человек, будь жизни толкователем, будь жизни часовым! И неожиданно нашедшей тьме, что омрачает свет, препятствуй; ты должен сам открыть ворота свету.

Когда бы сам себе ты верен был, то мрак не одолел бы даже малого пространства, и существо любое исполнилось бы истины и жизни.

Но ты предал их смерти, от Мудрости однажды уклонившись, ведь добродетель каждая духовными потоками стремится. Теперь же есть единственная сила, способная открыть каналы эти.

О Господа законах размышление приводит к добродетелям, которые к духовности ведут, — она приводит к Богу; способен Дух Господень собой наполнить землю.

И в этом замысле Своем Господь различными создал дары людские. И всякий человек на свет явился, чтобы на поприще определенном превзойти себе подобных.

Последние же были рождены, чтобы превосходить его в своих призваньях. Так равновесие творится между ними благой и праведной десницей Премудрости Господней.

Чтоб каждый член семьи людской мог отдавать и принимать, благодаря чему меж ними бы великое общение сложилось в смирении и милосердии.

И так они могли бы претворить простую и высокую гар-

монию, о которой их естество не прекращает им напоминать.

О, человек, тебе не удержать картин возвышенных, что мысль твоя изобразить способна. Но качества твои иные на практике осуществляют их. Хотя для этого ты ими наделен.

Пристало ль быть тебе толпою бесполезных мудрецов, вселенную заполонивших своими книгами и мыслями: ее опустошаешь ты посредством собственных занятий и благодеяний?

От жизни имя изошло, оно и породило слово.

Как имя, жизнь и слово душу человека наставляют идти своим путем и обращать свои шаги от завершения к работе новой.

Как ум, любовь, деяние живое собой престол являют человеческой души – на нем ее отдохновенье – содействуя работе вместе с ней.

Как от седалища ее отдохновенья передается сила с чистотой во все дела естественного человека.

Как человек естественный распространяет вокруг себя, по всей природе гармонию и правоту. Сего взыскует жизнь, чтобы во все проникнуть и все животворить.

На каждом уровне, когда она объемлет человека, всегда свою отпечатляет сущность, где блещут имя, жизнь и слово.

И уподобившись стремнине многоводной, она собой пророков души наполняла и души праведных князей ее народа. Они суть те, кто воинство Господне образует и на кого должны ложиться все тяготы войны.

Жизнь породила имя, а имя слово породило, которое создало человеческую душу.

О, человек, как мірозданье было сжато твоей душой бессмертной, чтоб зло ужалось бы посредством мірозданья.

Чтоб смерть иссякла, отягощенная таким великим весом,

и дабы жизнь могла соединиться с жизнью.

Ведь с той поры, как мы оставим пребывать в покое мірозданье, ему дав передышку, облегченье, самих себя приговорим мы к смерти, с которой мір обязан состязаться.

Вы усомнитесь, что материя не будет послушной вашему рассудку, хотя воздействовали на нее вы, лишь перемещая?

Спросите, в чем предназначенье души людской. Не укажет ли вам сердце место, которое она приемлет?

Не видится ли вам, что расположено оно между уделом высшим и уделом низшим, меж сумраком и светом, чтоб различать две сущности, творя их разделение непрестанно?

Не видите ли вы, что невозможно и на мгновение остановить ток вашей крови и не подвергнуть вас угрозе смерти?

Божественная ИСТИНА, святое милосердие, товарищу казалось, что я вас оскорбил, чтобы его унижить. В конце пути Господь проявит сострадательность ко мне: Он невиновность знал мою, мою молитву слышал.

Насколько же плачевно человека состояние? Необходимо даже ему просить у Бога Своего, чтобы добиться правосудия!

Пошел я к другу своему. Я не иду к Вам порицать за то, что заблуждались Вы в своих упреках, в чем Вас я переубедить не стану. Я не иду просить себе прощение, что означало бы себя признать виновным, которым не являюсь я. Пришел я к Вам с надеждой предложить последовать тому, что сделал я. Послушайте.

Ни времени и ни пространства нет для духа. Настанет день, когда различия и несогласия людские исчезнут, когда единство примирит людей, когда напоминать уже не будут тех, кем они являлись в разобщенный час.

Взойдем же в духе к этому единству, что грядет, не вспоминая впредь о разделеньях наших. Блажен же тот из нас двоих, кто сможет совершить сугубо жертвоприношение! Он в банке милосердия, как и во всех других, откроет счет большой и от корысти вящей устранился.

О, смертные, когда находитесь в подобных вы печалях, ис-

пользуйте вы средство то же, что и я: покой в сердца вновь водворится ваши, и ощутите вы, сколь милосерд, могуч Господь, облегчивший вам вашу ношу. И только Он Един стези нам указывает.

Господень Дух порой примешан к чувствам и, приноравливаясь к ним и выхода взыскав, способен он проникнуть в сердце человека.

Ведь Дух Господень непрестанно порождает любовью Божьей и несчастьем нашим; и Бога объявив своим Отцом, он называется столь часто Сыном Человеческим.

Я испытал невольное нежданное волнение. Тогда довлела надо мной неведомая сила.

Как будто бы она материю обрушила мою в подножье духа, как будто увлекла мой дух наружу ввысь от сумрачного тела, во мне раздел произведя на чистое с нечистым.

Так воды высшие от низших отделились, открылась суша, появился свет. И день Господень повторил во мне все то же, что творилось от начала мірозданья усиьем Слова Божия.

Без помощи Господней в грязи бы ползал человек; едва ль из глубины своей юдоли утлой он смог бы различить вдали хоть несколько лучей небесного свечения.

Благословенным будь в веках бессмертное Начало всего, что есть; в Тебе Одном и бытие, и жизнь, в Тебе Одном господство радости и счастья для всякого творенья.

И вне Тебя ничто не сотворится: ведь где не стало бы Тебя, там не могло б остаться даже чувств существованья и благословенья: они повсюду непреходящие крупницы жизни.

Я восхищен, как сей источник мірозданья, одушевляет всех существ, распределяя каждому из них огонь неиссякаемый, откуда все берет движенье. Ведь каждый человек собою образует центр, в котором отражаются все точки сферы личностной.

И эти индивиды лишь точки сфер отдельных, образовав-

ших вид и род свой, что равно управляются из центра.

Род с видом обладают началами в различных царствах естества. И царства эти имеют средоточия свои в пределах міроздания великих.

И сообщаются великие пределы с неугасимой жизни центрами, а те имеют средоточием своим единый двигатель всего, что существует.

Итак, все индивидуально и, тем не менее, едино. Насколько безгранично это Существо, что видит всех существ, светила и целую вселенную из Своего немислимого средоточья, когда Само лишь образует точку Своей неизмеримой сферы?

Узрел я там порядок и иерархию существ. И взгляд едва ли мог остановить свой на *действии* их, – картина увеличивалась быстро.

В их действии сквозило чувство – свидетельство признания сугубого главенства единственного центра міроздания.

И слышал я, как существа усиленно стремились деянье это воплотить. Когда они страдают, их крики вызывают жизнь; коль счастливы они, то в песнопениях ее же славят.

И в час, когда природа из темени ночной исходит, не чают ли она быстрее жизнь взыскать, восполнив расторопностью своей моменты, утраченные ей в упокоении и мраке?

Добавив к тишине ночной небес господства с вышины блуждающих престолов, спросим: не выражают ли в час этот они сильнее *жизни* слова, не раздувают ли полней меха своих органов совершенных?

И слышал я, как разные пределы мірозданья верховную мелодию рождают; высокие в ней звуки уравнивают низкие, и звуки изволения смягчают звуки наслаждения и радости. Взаимодействуя между собой, они оказывают друг другу помощь: таков порядок учрежден повсюду и говорит о Единении великом.

Во время всякое, когда становится заметно ощутимой все-ленская гармония, все существа, как будто увлеченные порывом общим, ниц простираются пред Божеством и дань творят молитв и славословий, которая в себя вмещает жизнь и душу с мерой самых гармонических согласий.

Так песнь слагалась, которую поручено творенью петь, не прекращая, до той поры, пока Всевышнего глас животворный не станет первенствующим в этом гимне сокровенном, имеющем распространяться на протяжении веков.

Сие уподоблять не должно тому, что происходит в юдоли нашей сумрачной, где звуки можно лишь со звуками сравнить, цвета с цветами, а сущность с сущностью аналогичной; там органичным все являлось.

Свет звуки источал, мелодия рождала свет, цвета движеньем обладали, живыми будучи; предметы представляли в одночасье звучащими, полупрозрачными, подвижными настолько, что способны были проникать друг в друга, пространство вмиг пересекая.

И посреди великолепного спектакля узрел я человеческую душу, как солнце, восходящее от грани вод.

Она величественней солнца и у нее предназначение иное; не скована душа хождением по кругу, что солнце отличает: когда светило это достигает крайней точки восхождения, то вынуждено вниз клониться равномерно, покоя состояния не ведая от века.

Преодолев молниеносно бесконечность, где обрела свое рождение, она взметнулась ввысь небес, ничуть не уклонившись, к единственному центру, который пребывал над всякой вечностью в верховном месте: он никогда не сдвинется и не сойдет с живого своего престола, ведь нет нужды там выше подниматься.

По мере путешествия души по этой линии безмерной, я созерцал господства царств, приблизившихся к ней: ее удерживая крыльями своими, они дыханьем собственным живым освободили душу от остатка скверны, приобретенной ей во время сна земного.

Руками в пламени господства над ней чертили знак посвященья истинный ее, чтобы представ у врат обители иной, они б открылись быстро для души, и обрела она бы там награду с очищением новым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.